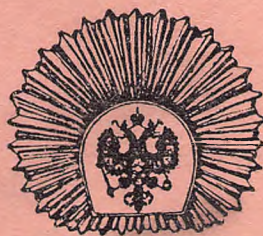

№ 59
Апрель 1963 год

ГОД ИЗДАНИЯ 12-Й

ВОЕННАЯ ГАЗЕТА

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ - КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

Редакция журнала «Военная Быль», с глубоким горем, извещает о кончине своих дорогих сотрудников

Полковника Александра Карловича-фон-Вирзбицкого

и

Ротмистра Дмитрия Львовича Де-Витт

Панихида отслужена у Кадетской Лампады в г. Париже.

СОДЕРЖАНИЕ:

Памяти ушедших — А. Левицкий и Алексей Геринг	1
Воспоминания старого моряка — В. А. Штенгер	2
«Оловянный солдатик» — Николай Турбин	3
Солдатский сундучек — А. Редькин	18
Княжеконстантиновцы — В. Ягелло	21
Лейб-Гвардии Конная Артиллерия в Бородинском сражении — — В. Хитрово	29
Полковые нагрудные жетоны и знаки Русской Армии — — С. Андоленко	31
Русские артиллеристы — Б. Н. Сергеевский	36
У Высокой Горы — Н. Максимов	37
«Выставили» — А. М.	39
Миниатюры прошлого — Д. Де-Витт	40
Из прошлого Елисаветградских гусар — полк. А. Рябинин	41
К статье П. Волошина «Русские военные оркестры» — — А. Скрябин	43
Хроника «Военной Были»	45
Письмо в Редакцию — С. Андоленко	46
По поводу статьи В. Н. Звегинцова «Смерть полка» — — К. Розеншильд-фон-Паулин	46
К статье С. Андоленко «Забытые отличия» — Евгений Молло	46
Материалы к библиографии Русской Военной печати за рубежом (продолжение) — Алексей Геринг	47

Изменение правил подписки:

Подписка принимается на **ШЕСТЬ** номеров, начиная с № 58 по 63 включ. Подписная цена: зона франка — 15 фр., зона фунта — 25 шилл., зона доллара — 4 ам. дол. 50 ц. на **ШЕСТЬ** номеров. Почтовый счет во Франции: «Le Passé Militaire» 3910-12 Paris.

Всю переписку по издательству направлять по адресу Редакции:
61, rue Chardon-Lagache, Paris 16.

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

АДРЕС РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ — 61, rue Chardon-Lagache Paris (16) MIR 72-55

12-й год издания

№ 59 АПРЕЛЬ 1963 Г.

BIMESTRIEL. Prix — 2,50 Frs

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

**АЛЕКСАНДР КАРЛОВИЧ
ФОН-КОРВИН-ВИРЗБИЦКИЙ**

1 марта в Швеции скончался мой сослуживец по 18 Конной батарее Александр Карлович фон-Корвин-Вирзбицкий.

Вспоминаю, что в 1906 году, в Петербурге, ко мне явился подтянутый и щеголеватый старший портупей — юнкер Константиновского артиллерийского училища по случаю взятия вакансии в 18 Конную батарею — это и был Александр Карлович.

Окончив реальное училище, он поступил в Константиновское артиллерийское Училище. О времени пребывания его в нем, он оставил интересные записки-воспоминания, в которых описал как мало по малу, он увлекся военным делом и из него выработался настоящий строевой офицер, а служба в Конной артиллерии сделала его горячим патриотом этого рода войск. Как в своей родной батарее, так и в 1 и Кавказском Конно-горных дивизионах, где он проходил свою службу, он заслужил самую лестную репутацию.

В эмиграции, он сделал иллюстрации форм обмундирования Русской Императорской армии, акварелью на отдельных листах. Он был исключительно близким человеком к редакции «Военной Были». Его прекрасные статьи: «18 Конная», «Из воспоминаний конника», «Легендарный дивизион» и иные привлекали общее внимание и являлись подлинным украшением журнала. До последних дней своей жизни он поддерживал связь с редактором журнала и проявлял неослабный интерес к истории русской армии.

Кончина жены, тяжелая болезнь, в результате которой он потерял голос и, буквально, онемел не заставили его потерять бодрость духа и он ушел в могилу, как старый кадровый офицер, которого только смерть могла сменить с поста.

А. Левицкий

ДИМИТРИЙ ЛЬВОВИЧ ДЕ-ВИТТ.

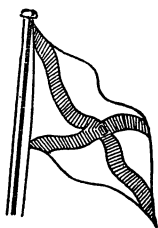
Еще один друг покинул наши ряды. С декабря месяца, три верных сотрудника нашего журнала П. С. Бассен-Шпиллер, А. К. фон-Корвин-Вирзбицкий и, вот теперь, совсем свежая могила, наш дорогой, всеми его знавшими, любимый, друг и товарищ — Митя де-Витт.

Кадет Сумского корпуса, по окончании Елисаветградского училища, он вышел лейб-гвардии в Драгунский полк, с которым и проделал всю первую войну, на германском фронте и большую часть гражданской, только на некоторое время оторвавшись от полка, назначенный на формирование и для службы в Чеченской Конной дивизии. Об этой эпохе, Дмитрий Львович красочно писал на страницах «Военной Были» и как глубоко, как по настоящему чувствовалась в этом командире Чеченской сотни, его неизбывная, крепкая любовь к полку, как гордо писал он о том, что начальник дивизии сказал, что «от лейб-драгун он другого и не ожидал». А кому не памятен его «Миниатюры прошлого», эти милые картинки старого славного прошлого, так проникнутые таким совершенно особым «офицерским» духом.

Особо вспоминается его очерк о родном корпусе «Из далекого прошлого» — «Сумский кадетский корпус... Как много говорят эти слова, сколько дорогих воспоминаний юности и тени прошлого встают, как живые...» так начинает Дмитрий Львович этот рассказ.

Каждый из его маленьких очерков, каждый вспомнившийся ему случай из старой жизни и службы, являлся какбы каплей той прочной, крепкой любви к нашей армии, ко всему нашему военному быту, которой жил и дышал наш друг-однокашник, сотрудник «Военной Были», славный лейб-драгун ротмистр Дмитрий Львович Де-Витт.

Алексей Геринг

Воспоминания старого моряка

Злоключения шхуны Черноморского флота «Псезуапе»

В 188... году в качестве станционера при Императорском Посольстве в Константинополе находилась шхуна «Псезуапе».

Это было небольшое винтовое судно с парусным вооружением, старое, выслужившее все сроки. Слабая машина с трудом давала 7 узлов хода, котел же, по своему плачевному состоянию, каждый раз при разводке пара внушал самые серьезные опасения. Давно пора было вывести его совсем в расход.

Тем не менее, раз добравшись кое-как из Николаева в Константинополь, шхуна благополучно несла обязанности станционера, которые сводились к почти непрерывной стоянке на бочке в Босфоре. Изредка лишь совершались короткие прогулки в Мраморное море, не дальше Принцевых островов, с чинами Посольства.

Служить на станционере было хорошо. Не говоря уже о роскошной стоянке в Босфоре, красота и фееричность которого доставляла высокое наслаждение, жизнь на станционере была безмятежна, напоминавшая пребывание на даче, и служба никого не тяготила.

Забота сводилась к содержанию судна в чистоте и порядке, чем, главным образом, и была занята команда шхуны; офицеры же были поглощены занятиями, ничего общего с морским делом не имевшими.

Их дни и вечера были большей частью наполнены совершенно обязательными визитами, обедами, балами и пикниками в различных посольствах и на станционерах. На подобные празднества офицеры отправлялись как на службу, по наряду.

Таким образом, для офицеров время протекало и на берегу, и на шкуне в самых лучших условиях — роскошная природа и своеобразная местная обстановка обращали их пребывание на Босфоре в сплошной праздник.

Командир шхуны, являясь в некотором роде официальным представителем России и вторым после Посла лицом, в силу своего положения, был еще более связан и много времени должен был уделять на официальные и обязательные сношения с бесчисленными иностранными дипломатами и офицерами, наполнявшими в то время Константинополь.

Состав офицеров на шхуне был довольно таки своеобразный. Командир и большинство офицеров были коренные черноморы из Николаева, никогда еще дотога не покидавшие пре-

делов Черного моря, что в то далекое время, вообще, и не было редкостью.

Симпатичные, милые люди, обожавшие свой Николаев и привыкшие к патриархальной жизни глубокой провинции, они несколько тяготились выпавшей на их долю ролью представителей Великой Державы за границей, но в то же время это сознание преисполняло их гордостью; на этой почве происходили подчас занятные эпизоды.

Между прочим, с первых дней прихода в Буюк-Дерэ, где находилось в летней резиденции Посольство, по установившемуся порядку, каждый день два офицера со станционера приглашались к обеду в Посольство.

Обеды эти происходили с большим церемониалом — все штатские были во фраках, дамы в пышных нарядах, офицеры же должны были являться в виц-мундире, при эполетах и орденах.

На первый раз предстояло отправиться на этот обед по старшинству двум лейтенантам, самым закоренелым Черноморам.

Надо сказать, что все эти офицеры, включая и командира, почти совершенно не владели иностранными языками.

Полученное приглашение сулило лейтенантам приятный вечер в кругу русских людей. Каково же было их удивление и разочарование, когда, очутившись среди чопорного общества, они с первых же шагов не услышали ни одного русского слова, — весь оживленный разговор в ожидании обеда велся на французском языке. Тем не менее, офицеры еще не потеряли своего апломба, надеясь хоть за обедом поболтать запросто с соседями.

Но вот дворецкий доложил, что обед подан, и старший из лейтенантов галатно подошел к жене посла и, подставив руку калачиком, прделожил быть ее кавалером. Однако тут ему не повезло: важная дама, свысока посмотрев на него в лорнет, заявила, что есть среди присутствующих и более старшие, и взяла под руку какого-то штатского гостя. Бедный лейтенант совершенно растерялся и в одиночестве проследовал в столовую. Затем в течение всего обеда разговаривали по-французски, и оба лейтенанта упорно молчали и хлопали глазами, мало что понимая.

Неудивительно, что первое появление в местном обществе не особенно удовлетворило

лейтенантов и вернулись они на шхуну не в веселом настроении.

Однако, поскольку подобные случаи происходили в среде соотечественников, еще можно было с этим мириться; но когда приезжали на шхуну иностранные дипломаты и командиры или же офицерству приходилось у них бывать, положение создавалось критическое.

У командира в каюте в таких случаях появлялись на столе вино, папиросы; посетители пили, курили, и обе стороны глубокомысленно молчали, пока не появлялся обычный переводчик в лице мичмана, временно командированного на шхуну.

Вобщем такие мелочи из повседневного обихода все же иногда создавали досадные минуты и приводили черноморцев в дурное расположение, однако не портили дружественных отношений с членами разноплеменного тонкого общества, умевшего оценить прямоту и скромность офицеров.

Русскую колонию почти исключительно составляли чины посольства и консульства и их семьи. В редких случаях, и лишь на время, состав ее увеличивался проезжими соотечественниками.

Постепенно все русское общество близко сжилось с офицерами, которые стали непременными членами всех собраний и запросто проводили время в семьях соотечественников.

Но всему бывает конец, и благодушную жизнь на берегах Босфора всколыхнуло неожиданное событие. Сначала среди русской колонии пронесся слух, что предстоит какое-то продолжительное плавание; потом и в посольстве начали говорить на эту тему, намекая, что шхуна пойдет в Грецию для участия в торжествах по случаю свадьбы греческого наследника с германской принцессой. Неизвестно, откуда этот слух возник; командир не имел еще по этому поводу никаких официальных сведений. Тем не менее, среди русской колонии этот слух произвел сенсацию; повсюду были разговоры на эту тему. И как всегда, дыму без огня не бывает: в конце концов возникший слух оправдался. Командир получил официальное предписание выйти в Пирей с таким расчетом, чтобы быть на месте к определенному числу.

С этого момента пребывавшая в сладком забытии шхуна пробудилась и в ней начались спешные приготовления к походу. Главные опасения вызывал котел и на него было обращено серьезное внимание. Появились рабочие, началось исправление его. Однако, несмотря на все старания, много улучшить его состояние было невозможно.

Съезжать на берег в это время стало офицерам не так просто и удобно, как раньше, но зато милые гости с берега не ленились навещать станционер, и в кают кампании собира-

лось дружное веселое общество.

Наконец настал и назначенный день ухода. Торжественный обед при участии посла и приглашенных дам и чинов посольства, прошел особенно оживленно. После сердечного прощания концы на бочках были отданы, и шхуна тронулась в далекий путь.

При роскошной погоде, без всяких инцидентов, было пройдено Мраморное море и Дарданеллы. Шхуна подвигалась медленно, чуть-чуть покачиваемая зыбью. Семь узлов — это был ее самый парадный ход и большего добиться с таким котлом было невозможно.

Теперь командир чувствовал себя вполне в своей сфере: тут не было скучных иностранцев и можно было заняться настоящей службой, что он и не замедлил показать на деле.

Офицерство размякло от жары и не прочь было покойфовать под тентом за стаканом чая; команда тоже пристраивалась поудобней на палубе и под влиянием тишины и яркого солнца предавалась сладким мечтам; всех обуяла лень, жара делала свое дело. Один лишь командир, как бы всем на зло, проявлял необычную бодрость, ему не сиделось на месте. И вот он стал занимать экипаж шхуны различными учениями, с точки зрения офицеров совершенно некстати.

Пробили артиллерийскую тревогу, проделали всякие манипуляции у пушек и окончили учение. Казалось бы, — послужили и довольно. Так нет же, ему понадобилось еще занять всех парусным учением; отдали паруса и снова их закрепили. На этот раз, однако, он уже ничего больше придумать не мог и снова, к его сторучению, офицеры очутились под тентом, и команда в непринужденных позах расположилась на верхней палубе.

К заходу солнца спустили флаг, помолились и роздали команде койки. Все стихло на шхуне, и лишь вахтенный начальник на мостике шагает от борта до борта, да сигнальщик в бинокль внимательно осматривает горизонт. Встречных судов почти не попадает, так что и с этой стороны развлечений нет. Машина печатает 7 узлов, равномерно ворочая свои древние части, которым уже давно не приходилось работать непрерывно в течение столь долгого срока. В кочегарке жизнь кипит. Кочегары, вымазанные, вспотевшие, черные как негры, в самых легких костюмах, усердно подбрасывают уголь в топку и от времени до времени то один, то другой внезапно появляется наверху, вдыхает полной грудью свежий морской воздух и также внезапно исчезает, точно проваливается в люк.

Шхуна уже в Греческом архипелаге. Один за другим проходит она живописные острова. Вахтенный начальник сосредоточенно следит за курсом по карте.

На вахте стоит с 12-ти до 4-х утра мичман. Чудная звездная ночь и полнейшая тишина в море располагают к мечтанию. Однако, наверху показывается командир, который, зная, что на вахте мичман, хочет взглянуть отеческим оком, все ли у него в порядке. Посмотрев на карту, проверив курс и убедившись, что все исправно, он снова спускается к себе в каюту.

Уже три часа. Еще час этой несносной вахты и потом, до 8-ми, до подъема, можно поспать. И мичман снова отдается своим мечтам, измеряя шагами мостик.

Но это продолжается недолго. Мечтательное настроение его внезапно прерывает появившийся на палубе инженер-механик. Этот молодой офицер только что блестяще окончил морскую академию в Петербурге и в награду назначен на заграничный станционер. Конечно, не такой машиной мечтал он управлять, какую нашел на «Псезуапе». Старые, изношенные механизмы и примитивный котел не возбуждали в нем никакого интереса; но жизнь на станционере и общество в Константинополе пришлось ему по вкусу, и это искупило другие недочеты плавания.

Механик, видимо взволнованный, сообщает, вахтенному мичману, что у него в кочегарке творится неладное: топки, по его словам, сильно накалились и опустились, и последствия этого могут быть грозные.

Оба они спускаются в кочегарку и мичман останавливается ошеломленный перед неожиданным зрелищем: обводы раскаленных до бела топок значительно опустились, изображая уже не сплошную линию обвода, а как будто всю состоящую из гофрированного железа или фестонов; местами изгибы ее опустились совсем низко, недалеко уже и до нижней кромки топок.

Ясно, что надвигается катастрофа. А между тем шхуна попрежнему медленно продвигается вперед, наверху царит тишина, все так мирно кругом, и роскошная южная ночь с темным сводом неба, усеянным яркими звездами, так успокоительно действует на настроение. Контраст слишком велик, и трудно отделиться во власть мрачных мыслей. Однако, действительность перед глазами. Ясно, что котел отслужил и нельзя терять ни минуты, чтобы избежать несчастья. Люди все выссылаются из кочегарки наверх, пока еще не поздно, всеми путями выпускается из котла пар и огонь в топках быстро заглушается. Машина закончила свою работу и ей предстоит долгий отдых.

Командир и офицеры уже наверху и вся команда разбужена. Зная состояние котла, каждую минуту можно было ожидать подобного происшествия, и тем не менее, всем оно кажется чем-то неожиданным и невероятным. Безбрежное море, ночь и отдаленность от порта

придает эпизоду особо мрачный характер. В море мертвый штиль и использовать паруса невозможно; стать на якорь тоже нельзя — измеренная глубина слишком велика, более 100 сажен; на горизонте, как на зло, не видно ни одного парох.ода, а до Пирея еще около 20 миль. Между тем справа и слева от шхуны, в начинающемся рассвете, ясно вырисовываются контуры островов, и трудно не заметить, что шхуну течением медленно, но верно несет на один из них.

Пускаются в ход все средства, какие только имеются в распоряжении. На воду спускаются катера, с обоих бортов, им подаются буксиры со шхуны, и команда налегает на весла. Однако, очень скоро уже очевидно, что шхуна вперед не двигается, но попрежнему подвигается течением в сторону острова и тянет за собой оба катера. Эта неудача побуждает предпринять последнее, что еще остается: спускают командирский вельбот и одного из офицеров отправляют в Пирей за помощью. Но остров все ближе и ближе к шхуне, а между тем немало пройдет времени, пока вельбот доберется до Пирея, и за этот срок шхуна, пожалуй, успеет совсем близко познакомиться с неприветливым островом.

Всем ясно, что положение становится совершенно беспомощным. Надвигается катастрофа, какая-то тихая, мрачная, без всякой трескучей обстановки. После праздничного настроения, так внезапно прерванного, это сознание и полное бессилие что-либо предпринять действуют угнетающе.

На палубе все притихли в ожидании: как будто что-то должно произойти для спасения шхуны, но что именно — этого никто себе не представляет.

Для видимости и для собственного успокоения командир приказывает снова и снова бросать лот, но результат все тот же — глубина чрезмерно велика, якорь не достает грунта.

Офицеры внимательно рассматривают карту, рассчитывают, когда приблизительно шхуна доберется до острова, куда ее влечет непоборимая, упорная сила течения.

Между тем, уже совсем рассвело, и время близится к 8-ми часам.

Подымают на шхуне флаг, проделывая весь связанный с этим церемониал, как будто бы ничего не случилось. Солнце уже печет во всю, безбрежное море гладко и тихо попрежнему и все это создает мирную, несоответствующую обстоятельствам, обстановку. И невольно закрадывается мысль — не последний ли раз поднимается флаг и воздается обычная почесть на старой шхуне, так много послужившей и повидавшей виды на своем веку.

Напряжение достигает крайних пределов; но тут неожиданно появляется и надежда на спасение. Из-за одного из островов показывается

небольшой пароходик; он полон пассажиров и, вероятно, по случаю какого-либо местного праздника весь разукрашен зеленью. Увеселительная ли это прогулка или обычный утренний рейс между островами? Рассуждать не приходится, надо немедленно хвататься за это средство спасения. Делать сигналы бесполезно, их все равно не поймут; поэтому командир приказывает одному из офицеров отправиться на пересечку курса парохода и передать убедительную просьбу помочь шхуне — отбуксировать ее до Пирея. Не особенно лестно, конечно, всенному судну входить в большой порт при такой обстановке, но другого выхода нет.

Вскоре со шхуны видно, что катер уже у борта пароходика и, видимо, посланному офицеру удастся убедить грека-шкипера, потому что к общему ликованию пароходик поворачивает и направляется к шхуне, таща за собой и ее катер с гробцами.

Один из матросов с «Псезуапе», знающий греческий язык, объясняет шкиперу в чем дело, и тот после недолгого колебания принимает буксиры со шхуны.

На пароходике галдеж и шум, но бранятся ли пассажиры или наоборот — сочувствуют потерпевшим, понять невозможно. Да это и безразлично, так как командир твердо решил во всяком случае заставить шкипера довести шхуну до места.

И вот эта блистательная группа пускается в путь. Машина на пароходике слабая, и потому он подвигается с черепашьей скоростью, влача за собой беспомощную шхуну; но как-никак шхуна спасена, и есть полное основание надеяться, что даже такое суденышко в состоянии будет довести ее до места, лишь бы только море оставалось спокойным.

Совестно, конечно, перед многочисленными пассажирами, которые, не переставая, глядят и усиленно жестикулируют. Командир им кланяется, машет рукой и фуражкой, стараясь выразить всячески свою благодарность за услугу; ему что-то кричат в ответ, и на шхуне решают, что пассажиры не в претензии. Так это или не так в действительности — в данный момент совершенно безразлично — важно, что шхуна отделяется от злополучного острова, который в течение стольких часов ее притягивал, как магнит.

Таким образом опасность, грозившая шхуне, устранена. Шхуна медленно подвигается вперед и, наконец, ее торжественно втаскивают в Пирей.

Тут приходится пережить еще неприятный момент, тяжкий для самолюбия. Порт полон иностранных военных кораблей; гордо стоит среди них и русский адмиральский крейсер.

Медленно ползет мимо них печальная процессия, и офицерство шхуны, глядя на строй-

ных иностранцев, с трудом скрывает свою досаду. Борта же иностранцев усеяны любопытными, рассматривающими коллегу, прибывшего на торжество в таких плачевных условиях.

Портовое начальство указывает шхуне место стоянки. Вскоре уже концы заведены на бочку и «Псезуапе» водворена в укромный уголок, у стенки. Рядом с нею, почти борт о борт, оказывается английская канонерка.

Однако, бедному командиру шхуны надо испытать чашу до дна. Он снаряжается во всем параде к адмиралу на крейсер; однако, что-то уж очень быстро он возвращается обратно и притом сугубо мрачный. Очевидно адмирал принял его неласково и разговор доставил командиру мало удовольствия. Да оно и понятно, так как адмиралу в действительности нечего было радоваться прибытию под его команду новой — с позволения сказать — «боевой единицы». Командиру было приказано во что бы то ни стало уйти из Пирея самостоятельно, под своей машиной, чтобы хоть отчасти восстановить добрую славу старушки «Псезуапе», являющейся в данный момент представителем Черноморского флота.

На следующее же утро на шхуне появились рабочие, и началось исправление котла и топек. Офицеры, кто только мог, съехали на берег и пробрались в Афины.

В ближайшие дни должно было состояться венчание греческого наследника, и разукрашенные по этому случаю Афины были чрезвычайно оживлены. Пестрая толпа заполняла улицы; всюду попадались группы прибывших туристов. В большом числе съехались высокопоставленные родственники и гости королевской семьи. Трудно было найти местечко в кафе, чтобы посидеть, и офицерам шхуны приходилось слоняться по улицам.

Но вот наступил, наконец, и торжественный день. Весь порт разукрасился флагами, расцвелились и все стоящие там суда, военные и коммерческие.

В определенный момент церемонии венчания приказано было всем судам произвести салют и, конечно, приказ этот принял к сведению и командир «Псезуапе». В назначенное время на шхуне, где работы были приостановлены, стали готовиться к салюту. По случаю торжества все облачились в парадную форму и командир гордо расхаживал по мостику, сознавая, что тут уже Черноморский флот в грязь лицом не ударит. Смущала его, однако, стоящая почти вплотную канонерка и из чувства коректности он задумал предупредить ее командира.

Выждав, когда почтенный английский коллега появился на палубе, он обратился к нему и любезно заявил на своем французском языке «moi tirer», чем привел англичанина в немалое смущение. Указывая на пушки и повторяя

все ту же фразу, он, наконец, имел удовлетворение получить ответ от соседа, что, мол, «стреляйте, пожалуйста, я тоже буду салютовать».

И вот начался салют из четырех орудий шхуны.

Впереди шхуны, несколько в стороне, стояла на бочке яхта королевы греческой «Амфитрида». Надо же было, чтобы и тут бедной «Псезуапе» не повезло. Очевидно, в одном из носовых орудий, по оплошности, не вынули пробку, закрывающую выход из канала орудия. Такая пробка представляет собою довольно солидную деревянную болванку с медной поверхностью, к которой приделана ручка для вытаскивания пробки.

Так вот, эта самая пробка после выстрела так и вцепилась в корму яхты. А яхта была древняя, ветхая, и пробка, пробив аккуратную дыру в ее корме, сама очутилась на яхте, в королевской каюте.

Заметили это обстоятельство на шхуне тотчас же, да и нельзя было не обратить внимания на вдруг появившуюся на яхте дыру солидного размера.

Для исправления дела и сохранения дружеских отношений с греками немедленно был снаряжен к капитану яхты мичман для принесения извинений.

Капитан этот оказался до нельзя любезным и принял извинения чуть ли не с благодарностью, заявив, что, хотя яхта уже под парами и ее величество на ней сегодня отбывает, но заделать дыру — это пустое дело, и вообще весь инцидент он считает исчерпанным.

Быстро пролетело время стоянки в Пирее. На судне было установлено дежурство. Оставался только один офицер, все же остальные с утра съезжали на берег и проводили день в Афинах. Никаких занятий не производилось, потому что работы по исправлению котла и машины шли во всю безостановочно. Поэтому команду, тоже отпускали на берег по отделениям. Лишь на долю механика выпала печальная участь, и ему пришлось сидеть бессменно на шхуне для наблюдения за работами.

В Афинах офицеры осмотрели все, что было достопримечательного, и уже с удовольствием подумывали о скоро предстоящем обратном плавании в Константинополь.

Наконец, работы на шхуне были закончены, и день выхода в обратный путь назначен.

Покончены все счета с берегом, шлюпки подняты, все приготовлено к походу. Командир проделал прощальные визиты и от адмирала получил доброе напутствие и приказание выйти в Константинополь.

Ветер однако, был очень свежий, картина предстоящего пути рисовалась не особенно привлекательно, но отступления не было. Нельзя же после официального прощания без видимой причины отложить выход. А причины и действительно не было — для всех других судов задувавший ветер не представлял препятствия, пугал он только старую «Псезуапе». На всякий случай адмирал поручил канонерской лодке «Черноморец» конвоировать «Псезуапе» насколько по обстоятельствам это окажется необходимым. Этой лодке было даже предписано, в случае надобности, взять «Псезуапе» на буксир, но выйти из Пирея шхуна во всяком случае должна была самостоятельно. Слишком грустное впечатление произвело ее печальное прибытие, и во что бы то ни стало надо было на виду у иностранцев восстановить, хоть отчасти, ее репутацию. Настал и час выхода. Отдав концы, шхуна отделилась от стенки, развернулась и медленно стала проходить к выходу из порта. Адмирал напутствовал ее пожеланием благополучного плавания.

«Черноморец» в это время стоял под парами, готовый к выходу, но задерживаясь нарочно, чтобы дать «Псезуапе» отойти. Спустя некоторое время тронулся в путь и «Черноморец», как будто независимо от шхуны, выходящей своей дорогой.

Однако вскоре по выходе из порта для «Псезуапе» наступили плохие времена. Ветер дул прямо в лоб, все усиливаясь, и сразу стало заметно, что шхуна с трудом выгребает и скорость ее все уменьшается. При таких условиях можно было предвидеть, что путь до Константинополя продлится весьма долго, если, вообще, она опять не застрянет в пути где-либо между островами. Поэтому «Черноморец», не теряя времени, предложил подать буксиры, что и было принято с благодарностью. Шхуну потащила канонерка и, хотя не блистательно, но все же по 7-8 узлов они подвигались вперед. Уже вечерело. Ветер все усиливался и развел большую волну, но, так как он был прямо встречный, то качка, при том килевая, еще не особенно давала себя чувствовать.

Наступила, наконец, ночь и, надо сказать, — прескверная ночь. Ветер дошел до степени шторма. Яростные удары волн с шумом обрушивались на бедную шхуну, сплошь заливая ее носовую часть.

На мостике командир, вахтенный начальник и штурман. Приходится уже обсуждать вопрос, куда можно было бы приткнуться, если погода не изменится к лучшему. Боцман все чаще появляется наверху и докладывает о прибывающей воде в носовом отделении, несмотря на усиленное откачивание в ручную брандспойтами. Кругом крошечная тьма. Унылый треск старой шхуны при содроганиях корпуса от уда-

ров волн, завывание в снастях ветра действует на нервы неутешительно. Однако, шхуна все же подвигается вперед, хотя это становится все более затруднительно. Самое худшее, если не выдержат буксиры: в темноте, при такой погоде, вновь принять буксир с канонерки будет невероятно трудно. А ветер все свежее, волнение увеличивается, и можно предвидеть самые неприятные случайности.

Снова перед мостиком неясно вырисовывается фигура боцмана, который докладывает, что вода в носу неизменно прибывает. Командир наконец решает, что надо укрыться от непогоды, достаточно и одной катастрофы, пережитой на пути в Пирей. Идти сознательно на вторую он не желает.

Шхуна как раз подходит к острову Зеа, где, судя по карте, можно найти хорошую стоянку в закрытой бухте. Вопрос решен, теперь надо передать это решение канонерке, но это не так то легко сделать. Сигнальный фонарь, прикрепленный к стойке, которая в свою очередь крепко принаитовлена к поручням, вступает в действие. Начинается длительная передача небранного сигнала вспышками. Делается несколько вспышек, чтобы обратить внимание «Черноморца», и... фонарь потушен порывом ветра. Надо все начинать сначала. Сигнальщик с фонарем спускается с мостика и вниз, в укромном уголке, закрытом от ветра, долго возится, пока удастся снова его зажечь. Фонарь опять прикреплен к стойке на мостике, и сигнальщик торопится сделать несколько вспышек. Но ветер ревет, и очень скоро фонарь опять потушен. Опять продельвается вся процедура. Сигнальщик, сидя на корточках под мостиком, всячески прикрывает фонарь, чтобы только его зажечь, — и это уже было нелегко.

Наконец, после невероятных ухищрений, сделав в четвертый раз всю долгую процедуру, удастся кое-как передать сигнал на «Черноморец» и получить ответ, что сигнал разобран. Сколько волнения из-за этого сигнала, сколько времени потеряно, причем «Черноморец» уже проходит намеченный остров Зеа.

Но вот он постепенно меняет курс, направляясь в обход острова.

При повороте старушке «Псезуапе» пришлось пережить очень тяжелые минуты. Став поперек волны, она неимоверно кренилась, трещала по всем швам и швыряло ее, как легкую скорлупу. На мостике надо было крепко держаться. Темнота была кромешная, и это усугубляло тяжесть положения. Печальный кортеж медленно подвигался вперед и, наконец, добрался до бухты, где можно было стать на якорь. Пары в котле пришлось сохранить, так как при продолжавшихся жестоких порывах ветра надо было быть готовым к всему. Удиви-

тельное спокойствие и благодушие наполняло существо после пережитой передрыги. Минуты, когда, несмотря на все старания, не было возможности передать сигнал на «Черноморец», были действительно трагичны, и на «Псезуапе» чувствовали свою беспомощность. Все же настойчивость и относительное спокойствие позволили добиться своего. Теперь странно и смешно думать о способах ночной сигнализации того времени. Пользовались сначала фонарем Шпаковского, а потом полковник Табулевич внес разные усовершенствования и фонарь назывался его именем. Вспышки делались при помощи спирта и скипидара и видны были, действительно, на значительные расстояния, но как трудно иногда было добиться вспышки, показывает случай с «Псезуапе». И, как часто это бывает, затруднения возникали именно тогда, когда до крайности нужна была быстрая передача сигнала.

Накопление воды в носовом отделении также было тревожным явлением и, будь «Псезуапе» без конвоира, неизвестно, чем бы окончилась эта последняя эпопея шхуны.

После тяжелой ночи наступила реакция. Все, кому было возможно, вкушали заслуженный отдых. На рассвете «Черноморец» ушел обратно в Пирей считая что «Псезуапе» теперь благополучно доберется под своей машиной.

Ветер к утру стал стихать, и волнение заметно улеглось. Офицеры и артельщики съехали на берег, но там нашли лишь несколько рыбацких селений. Остров, вообще, был мало заселен и природа его не представляла никакого интереса. Артельщики закупили рыбы и хлеба и вернулись вскоре на судно.

Надо было снова трогаться в поход, в Стамбул, чтобы до ночи добраться в Золотой Рог и там провести ночь на якорь.

Путь этот шхуна сделала благополучно, очень медленным ходом, причем пришлось внимательно присматривать за внушающим опасения котлом.

Вдали показались уже бесчисленные огни города, и вскоре был отдан якорь в «Золотом Роге». Один из офицеров был немедленно отправлен на берег, чтобы доложить о возвращении шхуны послу и узнать, нет ли приказаний, главное же — получить почту, которую все ожидали с нетерпением.

Вернувшийся мичман рассказывал, с каким восторгом была встречена весть о благополучном возвращении шхуны, происшествия которой уже стали известны.

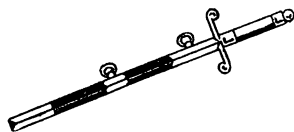
Утром «Псезуапе» стала на свое обычное место — на бочку у арсенала Топханэ, и жизнь потекла как раньше, тихая, безмятежная и полная интереса.

Котел снова пришлось чеканить, и механику дела было по горло.

Остальных командир старался тоже занять

работой и учениями, и все пошло по заведенному порядку, ко всеобщему удовлетворению.

В. А. Штенгер

Оловянный солдатик

Свою маму Вовка едва припоминал и даже не ее лицо, а мягкие, душистые локоны. Они щекотали шею, щеки, плечи, и Вовка визжал и трясся от смеха. Но счастливые минуты повторялись редко, потому-то и остались в памяти. Когда подрос, узнал горькую правду — мама редко бывала дома. Сперва лечилась в Ялте, потом в Ницце и там умерла.

Он хорошо запомнил другой день, когда в папин кабинет вошла толстая, улыбающаяся Ольга Петровна. Папа подтолкнул к ней Вовку и сказал:

— Вот ваш ученик, прошу любить и жаловать, но только не баловать.

И годы раннего детства шли, как заведенные часы. Утром и вечером Вовка встречался с отцом.

— Папеньке то миловать тебя недосуже, — Царю-осударю служит, а царская служба о-о-о нелегкая.

Няня и заботилась, чтобы Вовка был сыт и чисто одет. Ольга Петровна учила читать, писать и считать, подготавливала в корпус. Денщик Кузьма мастерил игрушки, и получались они гораздо интереснее покупных: деревянные ружья, пики, сабли, даже пушки. Садовник Наум следил, чтобы Вовка не выбегал без присмотра на улицу, пугал ломовиками.

— Самый распрохамский народ, так и норовит либо оглоблей долбануть, либо насмерть раздавить.

Он же помог построить в саду маленькую земляную крепость и водрузить на валу русский флаг. Закончив, полюбовался и одобрил,

— Важная хартихикация. Твердыня! Для твоей армии аккурат впору.

Армия была храбрая, но малочисленная: главнокомандующий Вовка, рядовой Никитка — сын Наума и лохматая дворняжка Пыжик.

Когда надоедали сражения, Вовка превращался в индейца-следопыта, а иногда в отважного мореплавателя. В своей детской комнате сдвигал с постоянных мест всю мебель и между этими неведомыми островами «плавал». возил за собой пароход на колесиках, выдумывал островам названия и наносил цветными карандашами на самодельную карту. Но больше всего любил играть в казака, посланного с важным донесением к царю. Дорога была нелегкой и длинной: из детской по темному коридору, через сундуки и корзинки, до прихожей. В прихожей казак пролезал под большой вешалкой, стараясь не запутаться в широченной николаевской шинели отца и в нянюшкиной старомодной ротонде. И только тогда из нафталинового мрака попадал в светлый и обширный кабинет, самое интересное место во всем доме. Здесь-то в золотых рамах и жили два царя — главный, как думал Вовка, с большой бородой, точно такой же, как у приходского священника отца Афанасия, и младший, с бородкой поменьше. И царей окружали портреты очень важных генералов.

На другой стене висело оружие, вычищенное Кузьмой до блеска.

«Хватило бы на целый полк» — прикидывал Вовка, но прикасаться к нему строго воспрещалось.

А на папином столе были расставлены игрушки для взрослых: сложенный из патронов письменный прибор, пресс-бювар с чугунным ядром, разрезной нож — сабелька, пепельница, а на самом деле маленькая офицерская фуражка, серебряный ящик для сигар с надписями и погончиками и подсвечники с бронзовыми солдатами, да такие тяжелые, что поднять их Вовка не мог.

Но самое замечательное находилось у окна, на маленьком столике с кривыми ножками, в продолговатой, ореховой шкатулке. В ней лежали папины ордена, ленты и звезды. Звезды Вовку не занимали — на рождественских елках видел он и покрасивее. Видел и ленты на женских нарядах и не только красные, а самых различных цветов. И к медалям относился равнодушно — они ничем не отличались от серебряных рублей и медных пятаков.

Ордена — вот это другое дело. Вовка подолгу любовался ими, словно облитыми прозрачным вишневым соком. Были на них совсем игрушечные орлы и непонятные, таинственные знаки и даже фигурки каких-то тетей. Но особенно привлекал один — беленький, беленький, миндальный, с конным воином в середине. Этого воина, в светлых латах, в пурпуровом плаще, поражающего копьем страшного змея он видел в церкви на иконе и запомнил имя: Святой Георгий.

Но еще больше поразило Вовку неожиданное открытие. У самого главного бородатого царя на широкой груди висел только один орден, именно миндальный. Вовка внимательно рассматривал, точь в точь как у папы, а у младшего царя такого не было. Естественно возникало желание, а вместе с ним и вопрос: как бы и ему, Вовке, заслужить именно белый крестик.

Спросил прежде всего у отца и получил короткий ответ:

— Поступишь в корпус и узнаешь.

Обратился к нянюшке, а она ни с того ни с сего запела:

— Надоело, видно, молодцу на плечах головушку носить.

Попробовал осведомиться у Ольги Петровны, та громко расхохоталась:

— Я, Вовочка, штатская, об орденах никогда и не думала.

Хотел расспросить Кузьму, но подумав, решил, что Наум мудрее.

«Ведь он вместе с папой ходил на японцев и по праздникам носит две медали с такими же ленточками, как на белом крестике».

И еще потому, что Наум относился к Кузьме свысока и называл его «зеленой дурой». Наум то и растолковал:

— Такие кресты и медали дают на войне даже мальчикам чуток постарше тебя за геройство, за сокрушение врагов и супостатов, к примеру

скажем, япошек, народа скрозь вредного и ядовитого.

— А почему ядовитого? — удивился Вовка.

— Потому как нехристи и змей жрут.

После разговора с Наумом ему даже приснился Святой Георгий. Будто он с церковной иконы приехал в ихний сад. А как слез с коня, так латы, плащ и копье вдруг исчезли. И видит Вовка — стоит перед ним вовсе молоденький солдатик, а на груди у него белый крест.

Воспоминание о вступительном экзамене в Вовкиной голове спуталось в один клубок с той массой новых впечатлений, которые налетели, как вихрь, сразу и непривычно после тихой домашней жизни в родном городке. Из всего случившегося за этот день сохранились только два слова: выдержал, принят.

В нервном ожидании грядущего промелькнуло и лето, а двенадцатого августа домочадцы провожали его в корпус. Как взрослому желали благополучия и успеха, целовали и обнимали, а Наум от души посоветовал:

— В мелких чинах сахара не накушаешься. А ты шагай шибче. Как произведут в полковники, и я тут как тут, стало быть, явлюсь к тебе на службу».

На этот раз Вовка присматривался внимательнее к губернскому городу. Ехал он с папой на извозчике и, хоть вертелся и глазел во все стороны, но прислушивался к словам отца, понимая, что его советы могут пригодиться уже через полчаса в новой, совершенно незнакомой ему среде. А папа говорил:

— Не надо бояться начальства, а надо слушаться. Если провинишься, не укрывайся за чужими спинами, а сознавайся храбро и, не прося милости, отбывай наказание. За баллами не гонись, не выпрашивай их, а приобретай знания. Будь хорошим другом. С сегодняшнего дня, как только оденешь форму, и начнется твоя служба Царю и Отечеству — путь к белому кресту».

И Вовка отцовские слова запомнил.

В корпусе первые дни прошли шумно и весело. Знакомился с одноклассниками, ходил на пригонки в цейхауз, получал учебники, слушал первые наставления ротного командира и воспитателя, не нянюшки, не Ольги Петровны, а настоящих офицеров.

Перед отпуском новичков учили отдавать честь и Вовка заслужил похвалу. Воспитатель, конечно, ничего не знал о двух его учителях, Науме и Кузьме, потому и удивился.

Через месяц и как раз в субботу, усатый швейцар в ливрее, обшитой галунами, вызвал Вовку в приемную.

— Его Превосходительство папенька просят.

В новом выходном обмундировании Вовка выглядел будто отлакированный. Папа осмотрел его со всех сторон и улыбнулся.

— Ну, молодец. Вот и ты воин. Сейчас познакомлю тебя с тетей Марией Павловной — к ней будешь ходить в отпуск. Почитай и слушайся ее. А Зиночку, свою троюродную сестренку, не обижай. Она моложе тебя года на два и тоже сирота — будь к ней внимателен и ласков.

Пока раздевались в тетиной передней, из-за тяжелой портьеры показалась и сразу же исчезла кудрявая головка с голубым торчающим бантом, похожим на большую бабочку, и живыми, веселыми глазами. А вслед за тем Вовка услышал звонкий голосок:

— Мамачка, скорее, скорей! Военный дядя привел к нам живого оловянного солдатика.

Громко выразить возмущение Вовка не посмел, только брови его, вернее еще не брови, а светлые запятые, сердито сдвинулись, а щеки покраснели.

«Папа назвал воином, а эта кукла с бантом оловянным солдатиком. Ну, погоди!» — и Вовкины кулаки сжались.

Но, взглянув на приятное, доброе лицо Марии Павловны, смягчился и тут же определил: «Должно быть хорошая тетя».

А папа знакомил:

— Вот, дорогая Мари, рекомендую... Моя смена... Он, конечно, сорванец, но не злой.

— Если не злой, то мы быстро поладим и заживем душа в душу — и Мария Павловна крепко расцеловала Вовку.

Часа через два вся неприязнь к Зиночке уже исчезла. Так было всегда и во всех случаях — Вовка долго не злился. Да и может ли девочка, приготовишка, отвечать за свои слова. Вовка смотрел уже по-кадетски на разделяющий их ров. Он человек казенный, с личным номером, одетый в мундир, а она всего лишь голубой бант на двух ножках.

А Зиночка, присмотревшись к новому братцу, решила перескочить через ров первая. Ее легкомысленную головку прежде всего заинтерговали галуны на Вовкином мундире.

— Они золотые?

Вовка даже фыркнул.

— А ты думала медные?

— А вот у гимназистов на шапках значки серебряные, а у тебя простой, черно-желтый.

— У шпаков шапки со значками, у нас, военных, фуражки с кокардами, пора бы знать! — важно ответил Вовка.

Понравился Зиночке и лакированный пояс с тяжелой бляхой... Очень хотелось примерить, подойдет ли к кружевному платьицу?

Но Вовка запретил.

— Это не для девочек — на нем носят подшумки с патронами и штыки.

— Только на одну минуточку... Ну, позволь

же! — умоляла Зиночка.

«На минуточку» Вовка разрешил, но пришел еще к одному заключению: «...Ко всему и подлиза».

Такие редкие для Зиночки слова, как патроны, штык, бляха, подсумки, ее и утешали и завораживали. А главное — у этих слов был хозяин, именно Вовка, и он в глазах Зиночки постепенно рос и мужал. В ее детской комнате образовалось два мира, два уголка. В одном Зиночка наряжала кукол, готовила им обеды, укладывала спать, пела колыбельные песенки. В другом расположились лагерь солдатики Вовкиной армии. В отпускные дни, перед полноточкой выровненным строем пехоты и кавалерии, он читал приказы и отдавал распоряжения. На эти мальчишеские игры Зиночка в начале смотрела равнодушно, но, когда Вовка обзавелся артиллерией, объявил кому-то войну и начал палить из всех пушек, азарт захватил и ее.

— Прими меня... Я тоже хочу стрелять.

Вовка колебался — другое дело, если бы такое желание изъявил приятель-кадет, или хотя бы Никитка. Ведь он не с глупыми куклами возился, а вел кровавое сражение, по-настоящему, по-военному. Но и отказать ей, хозяйке комнаты, было бы неучтиво.

— Ладно, но с условием: ты должна беспрекословно подчиняться главнокомандующему, те-есть мне. Без дисциплины побеждать нельзя.

И Зиночка, не протестуя, согласилась. С того дня по субботам и воскресеньям куклы оставались неумытыми, непричесанными, без обеда, и никто их не укладывал спать в мягкие кровати. Они сидели у стен, расставив руки и ноги, и смотрели стеклянными глазами на красиво выстроенные роты солдатиков и на страшные баталии. Зиночка целиком уходила в «окутанные пороховым дымом» игры. Она терпеливо переносила грозные окрики своего командира. За неисполнение приказаний Вовка безжалостно гнал ее с поля битвы или лишал права участвовать на парадах.

— Не так, не так! — кричал он. — Строй во взводную колонну!

— Научи же меня — робко просила Зиночка.

— Вот достану устав и ты вызубришь.

И маленькая Зиночка покорно отвечала:

— Слушаюсь.

Была у Зиночки любимая кукла Катя, любимый мяч Скакун, любимый плюшевый заяц Трустик. Из четырех щелков, сидевших в клетке, в любимцы попал Свистунчик. А сейчас появился новый фаворит, солдатик Иванушка. Все они походили друг на дружку, как ягодки смородины. Но Иванушка привлек ее внимание, может быть, потому, что и погоня его и щеки какой-то рассеянный нюрнбергский ма-

стер навел одним и тем же ярко алым цветом. Зиночка любовалась им и уверяла сама себя, что из всех солдатиков Вовкиной армии краснощекий Иванушка был самым симпатичным, самым скромным и застенчивым.

И вот однажды, в пылу жаркого боя, у Иванушки сломалась нога.

— Посмотри, Вовик, — всхлипывала Зиночка.

— Ну, и что же? Выбрось его, он в строй не годится! — распорядился Вовка.

— Ни за что! — горячо запротестовала Зиночка: — Он герой, его искалечили, и мы обязаны заботиться о нем.

Вовка в душе жалел солдатика и признавал справедливость Зиночкиных слов, но полководец не должен обнаруживать мягкосердечия.

— В мусор, и конец!

На сей раз Зиночка приказа не исполнила. Да и как объяснить, что Иванушка ее любимец? Поднимет на смех, уволит по приказу из армии и назовет слюнтяйкой. И Зиночка тайно спрятала бедного Иванушку в свою заветную коробку. У очень многих есть такие коробки. В них хранятся, казалось бы, вовсе ненужные вещи, но по каким-то причинам, а иногда и без причин, они становятся очень ценными, незаменимыми, даже приобретают значение талисманов и живут долгие, долгие годы, часто переживая своих хозяев.

Свою корочку Зиночка прятала под ворохом детских книг на самой верхней полке большого шкапа. В дни генеральных уборок находила ей временное убежище, темный уголок, известный только ей да коту Мурзе. Это была самая обыкновенная жестяная коробка из-под халвы — «хлам», сказала бы мама. В ней под шелковым лоскутком лежала старая пружка с «брильянтами». Сохранялась бумажная этикетка с портретом «настоящей красавицы» Аделины Патти. Жил здесь и мягкий шерстяной чертенок, купленный на рождественском базаре. И так он Зиночке понравился, что даже на ночь клала его под подушку.

— «Берегись, дочка! Привяжется к тебе и научит всяким гадостям и превратишься ты в Бабу-Ягу» — пугала мама. И чтоб такого, сохрани Бог, не случилось, Зиночка завязала ему ниткой и руки и ноги. Еще берегла полустертый шейной образок, подобранный на улице. Мамаглянула и узнала:

— Святая Тереза.

А кухарка Саввишна замахала руками:

— Такой и в Святцах нет. А по всему схожа с Евдакией-Малинухой, или Аксиньей-Полухлебницей.

Были и другие вещички, но менее ценные. Сюда-то и попал безногий оловянный солдатик. Заботливо положила его Зиночка на ватку.

— Отдыхай, служивый. Будет тебе здесь уютно и весело.

На смену солдатикам пришли книги. В корпусе велись горячие споры — сравнивали русских полководцев с Карлом Двенадцатым, Фридрихом Великим, Нельсоном, Бонапартом...

А у тети Вовка заставлял Зиночку, погруженную в повести Клавдии Лукашевич и Лидии Чарской.

Впечатлительная Зиночка настойчиво рекомендовала:

— Обязательно прочти! Чудно до слез! Не оторвешься! Особенно про княжну Джаваху.

Вовка призрачно оттопырил губу.

— Подумаешь, невидаль — княжна! В корпусе князей, графов и баронов сколько угодно. И отошел, напевая баском:

— Жил у нас в былые годы знаменитый генерал...

— Опять генерал... — печально вздыхала Зиночка.

А на другое утро, собираясь в гимназию, сама вполголоса мурлыкала:

— Жил у нас в былые годы... — и еще с припевом-отсебятиной:

— Раз, два, горе не беда, Тула родина моя!

И не могла остановиться, пока мама не закричала из соседней комнаты:

— Зинаида, не изводи! Ты что — в юнкера идешь?

Мама, конечно, не догадывалась — пела она, чтобы живее представить себе марширующего Вовку. «Левой, правой!» с зажмуренными глазами видела его, отбивающего шаг, совсем ясно. Улыбалась и думала: «Из моего Вовки получится офицерик»... и совсем по-кадетски заканчивала: «на ять!»

В четвертом классе Вовка выглядел уже ловким и франтоватым кадетом. Как старший, присматривал за Зиночкой на прогулках, провсжал в гости к подругам, водил в кинематограф.

Мария Павловна, любуясь ими, наставляла:

— Теперь ты настоящий кавалер, да к тому же военный. Не позволяй Зиночке на улице расстегивать шубку и объедаться сладким.

А Вовка, щелкнув каблуками, отвечал:

— Не беспокойтесь, тетя.

Как-то раз, гуляя с Зиночкой в городском парке, Вовка нашел целую папиросу. В боковой аллее, вынул из кармана увеличительное стеклышко, зажег ее от солнца и соврал:

— В корпусе четвероклассникам курить разрешается, но я не курящий, а только так... Пускаю кольца.

Зиночка смотрела на него с завистью, ловя носом голубой дымок.

— Вкусно? Дай попробовать!

— Ну-ни! Необходима практика, а то сразу же задохнешься.

А потом, проходя мимо ковровой клумбы, Зиночка залюбовалась анютиными глазками.

— Какие огромные! Вот бы достать!

«Ну, что ж, достать не фокус» — подумал Вовка: «Все бабы влюблены в шоколад и цветы».

И ему удалось сорвать три крупных, рыжевато-оранжевых цветка. Зиночка и поражалась Вовкиной храбрости и дрожала от страха.

— Вовик, нас не прибьют сторожа?

— Тоже, выдумала.

Цветы, спрятанные из предосторожности в фуражку, благополучно прибыли домой.

— Только не говори тете, слышишь! И о папиресе...

— Ну, конечно.

— Поклянись! — строго потребовал Вовка.

— Клянусь — прошептала Зиночка и, тряхнув кудрявой головкой, взволнованно прибавила: — Вовик, я всегда, всегда, всю жизнь буду на твоей стороне.

Но Вовка не был трусом. Однажды на кадетском плацу угодил он снежком в шею проходившего ротного командира. Попал случайно, в разгаре общей «перестрелки», а получилось, словно прицелился нарочно и угостил ротного от всей души. Кто бы в такой кутерье нашел виновника? Ротный долго отплевывался и вытаскивал пальцами из-за воротника снег. Но шутить он не любил — все замерли, когда раздался громовой голос:

— Кто соскучился по карцеру? Кому надоело ходить в отпуск? У кого слишком большой балл по поведению?

Тут-то перед глазами Вовки и мелькнул беленький крест отца. На войне неприятель не карцером угрожает, а смертью, и его не боятся. Он смело подошел к ротному.

— Виноват, я!

И что же — в карцер не посадил, без отпуска не оставил, балла не сбавил.

Погрозил пальцем и сразу же похвалил:

— За то, что сознался, молодец!

И никогда больше про злополучный снежок не вспоминал. А добрейшая Мария Павловна даже и пальцем не погрозит, но за сорванные три цветка будет три года ахать и охать при каждом убодном случае.

— Ах, сорванец! Да как же ты решился? Ох, Боже мой! Как тебя, головореза, в участок не забрали?

По твердому убеждению Вовки, отсидеть в карцере было бы легче.

После любимых полководцев появились любимые писатели, артисты, кушанья, вещи...

Зиночка первая открывала и напоминала Вовкины слабости и пристрастия и все чаще и

чаще напоминала Марии Павловне.

— Мамочка, завтра отпускной день, закажите рассольник с почками, битки в сметане, а к чаю побольше хвороста... Напомните горничной, чтобы выстирала Вовины перчатки... Куда вы положили книгу стихов Дениса Давыдова? — я ее взяла для Вовы... Где купленный для Вовика бриллиантин?

— Вовик да Вовик — притворно сердилась Мария Павловна. — Уши прожужжала!

— Но нельзя же его оставить только на попечение корпусных «ать-два» и усатых дядек, он совсем одичает — оправдывалась Зиночка. — Вы сами сказали: люби его. Помните?... в тот день, когда он впервые появился.

— А ты, стрекоза, и обрадовалась. Люби... Конечно, люби, но не шиворот-навыворот.

А Зиночка с лукавой улыбкой ответила.

— Извините, если люблю не по-вашему... Стараюсь, как умею.

Последние перед выпускными экзаменами пасхальные каникулы Вовик провел у тетки. Со Страстного Четверга в доме пахло куличами, тортами, сырной пасхой, запеченным окороком и распустившимися в горшках гиацинтами. Мария Павловна захлопоталась — то присматривала за уборкой комнат, то распорядилась на кухне. А Зиночку и Вовика, чтобы не отламывали на пробу вкусные кусочки и не портили тем красивого вида праздничной снеди, выводила в сад.

— Марш, марш!

— Мама, я не плохо рабираюсь в кулинарии и могу помочь — возражала Зиночка.

А я, тетя, всегда был исполнительным дежурным по кухне. Если прикажете... дело знакомое — хитрил Вовик.

Но Мария Павловна не поддавалась.

— Назначаю Вовика дежурным по саду, а Зинаиду в помощь. Подровняйте края дорожек, подметите их, перекопайте клумбы.

Но подметать и копать им никак не хотелось.

— Подумай, выгнали чуть ли не в шею из богатого дома на черную работу. Дудки! Давай читать «Войну и Мир» — предложила Зиночка.

А день выдался ласковый, солнечный. Сырая земля и лопнувшие почки наполняли воздух свежим, острым ароматом. Его хотелось вдыхать глубоко, всей грудью. Жалко было приминать новую светлозеленую траву. Птицы наперебой чирикали, щелкали, подсвистывали, ворковали, словно настраивали инструменты перед тем как дружно начать весеннюю увертюру.

Читал Вовик любимый роман хорошо, с толком и чувством.

«Французы атаковали батарею и, увидя Ку-

тузова, выстрелили по нем. С этим залпом полковой командир схватился за ногу; упало несколько солдат, и подпрапорщик, стоявший с знаменем, выпустил его из рук; знамя зашаталось и упало, задерживаясь на ружьях соседних солдат. Солдаты без команды стали стрелять. — О-оох! — с выражением отчаяния промычал Кутузов и оглянулся. — Болконский, — прошептал он дрожащим от сознания своего старческого бессилия голосом. — Болконский, прошептал он, указывая на расстроенный батальон и на неприятеля, — что ж это? Но прежде чем он договорил это слово, князь Андрей, чувствуя слезы стыда и злобы, подступившие ему к горлу, уже сокочил с лошади и бежал к знамени. — Ребята, вперед! — крикнул он детски-пронзительно. «Вот оно!» — думал князь Андрей, схватив древко знамени и с наслаждением слыша свист пуль, очевидно направленных именно против него. Несколько солдат упало. — Ура! — закричал князь Андрей, едва удерживая в руках тяжелое знамя и побежал вперед с несомненной уверенностью, что весь батальон побежит за ним».

Время от времени Зиночка внимательно всматривалась в лицо Вовика. Она ловила на нем, как в зеркале, отражение тех настроений, которые появлялись в его душе под влиянием прочитанных слов.

«А вдруг война?» — мелькнуло в ее уме: «Вовик полезет в огонь и в воду. Он такой — или с крестом, или под ним».

Первый раз в жизни она почувствовала, что дыхание ее остановилось, а сердце резко, болезненно сжалось. Правда, это длилось только один момент. Она оглянулась — все было залито ярким, весенним солнцем. Щеки Вовика порозовели, голос чуть вздрагивал — он читал дальше:

— «Кто этот молодой человек подле вас? — Князь Репнин назвал поручика Сухтелена. Посмотрев на него, Наполеон сказал улыбаясь: — «Слишком молодым сунулся он драться с нами». — Молодость не мешает быть храбрым», — проговорил обрывающимся голосом Сухтелен.

«Ему этот эффектный ответ страшно нравится» — заметила Зиночка. И Вовик, прервав чтение, подтвердил ее мысль.

— Вот, настоящие герой!

Когда они возвращались домой, Зиночка осторожно посоветовала:

— Вовик... я уверена... у тебя будет очень хороший аттестат. Запишись в университет.

Он остановился.

— А как ты думаешь, кто построил Великую Россию еще до университетов?

— Кто? Ну, многие... разные — замялась Зиночка.

— Конечно, разные, а впереди всех шли сол-

даты. Не забывай — есть ведь и военные университеты.

Первая сердечная боль скоро забылась. Зиночка и Вовик учились, мечтали, веселились, и им казалось, что даже осеннее и зимнее солнце светит по-весеннему. Маленькие житейские тучки не омрачали их отношений и надежд. Все также настойчиво обращалась Зиночка к Марии Павловне с бесчисленными просьбами, но все чаще свое и Вовино имя сливалась в «мы» и «нам».

— Мамочка, одолжите пять рублей.

— Как это одолжите? А из какого капитала отдашь?

— Выйду замуж и честно расплачусь.

— Замуж? С таким ветром в голове? Замечательно! За кого и когда?

— Ах, мамочка, вы же учили о таинстве брака?

— Ну?

— Ну, и значит — брак, до поры до времени, тайна.

— А на что пять рублей?

— Мы идем на бал. А, вдруг, не хватит...

— Веселитесь скромненько, по средствам.

Зиночка так и вспыхнула.

— Представьте только: у Вовика мундир сплошь усыпанный золотыми пуговицами, кругом разные нашивки, кантики, шнуры с бомбочками, шпоры... На нем целый котильон! Вовик шикарный юнкер! Нет, мама, нам скромничать не позволительно.

Разделить по своей воле эти «мы» и «нам», прочный союз ее любимцев, Мария Павловна никогда бы не решилась.

«Поживем, увидим» — глубоко вздыхала она. «Время есть — пускай сами разберутся, ума и честности хватит».

Наступил и день производства в офицеры. Мария Павловна торопливо готовила для Вовика «приданое»: носильное, постельное и столовое белье. Зиночка решила преподнести особо дюжину парадных носовых платков и дюжину салфеток с вышитыми гладью вензелями под дворянскими коронами. И когда принесла их домой, не утерпела и похвасталась.

— Взгляните, мама.

— Очень красиво, с большим вкусом — одобрила Мария Павловна.

— А как вы думаете — для только что испеченного корнета не слишком ли пышно? Начальство не придерется?

— Какое же дело начальству до носовых платков?

— Вы всегда опаздываете с разъяснениями и все мне портите. Я могла бы заказать еще понаряднее, не белые метки, а, допустим, золотисто-желтые, или голубые, под цвет полковой формы.

И как-то вскоре после этого Зиночка спросила Марию Павловну:

— Мама, вы не будете злиться, если я выйду замуж? А за кого... сами знаете.

Брови Марии Павловны приподнялись.

— В семнадцать лет?

— Так что же? Аттестат зрелости в кармане, а возраст вполне для дамы.

— Глупости... Что за спешка? Ему и не решать. Вовик еще безусый и чин у него не настоящий, а какой-то, прости Господи, музыкальный. Я понимаю — у генерала генеральша, у полковника полковница, у капитана капитанша, а у корнета? Флейта, что ли?

Но Мария Павловна все видела, все знала и решила в душе: «дай им Бог светлого счастья».

— Что же, он сделал предложение?

— Нет, мама... да и не к чему.

Они никогда не говорили друг с другом о любви и о браке. Вовик иногда становился перед ней на колени, но только для того, чтобы помочь одеть галоши, или затянуть ремень от коньков. Взаимное чувство развивалось годами, незаметно и так же просто, как это бывало в няниных притчах: «В каком царстве, нам неизвестно, а под солнцем жарким да под месяцем, под пушистым облаком, да под тучкою, под бесценной звездной россыпью, два ручья в траве журчали весело, два ручья среди цветочков аленьких. Друг про друга ничего не зная, к темным горам ручейки стремились и пропасть могли и вовсе высохнуть, в твердь уйти бездонную до капельки. А того-то, вишь, и не случилось — у овражка, у уруги каменной ручейки те встретились и слились, ровно в жизни нашей двое суженных. И наполнили овражек доверху ключевой водой, а после хлынули, как поток на горы на зубчатые, и пробили горы под подошвою. Вышел тот поток на поле ровное, не потоком буйным, тихой реченькой, а она, глубокая да чистая, протянулась вплоть до моря синего».

И няня всегда добавляла: «У сказки снаружи-то ложь, а в середине правда».

Зиночка так и представляла себе: два ручейка — это она и Вовик. Их души слились крепко-накрепко. Перед ними горы зубчатые, но общими силами они их пробьют. А дальше поле чистое и реченька тихая да глубокая — их будущее. И оно продолжится до конца, до моря синего, которое уже там, за пределами земной жизни.

После окончания гимназии Зиночка решила разобраться в своем имуществе.

— А ну-ка, Вовик, помоги. За десять школьных лет накопилось столько всего, что некуда положить нужные вещи.

Целую библиотечку книг для детей и юношества Зиночка решила пожертвовать ближайшему городскому училищу. Вовик доставал их из шкапа, а она просматривала и сортировала. И вот в углу самой верхней полки рука его нащупала жестяную коробку.

— Что в ней? Оставить или выбросить?

— Боже сохрани! — испугалась Зиночка. — Давай сюда, я сама открою и покажу. Понимашь... В ней самое заветное... для всех, кроме тебя, неприкосновенное.

И Зиночка разложила на столе перед удивленно улыбающимся Вовиком все содержимое коробки: «брильянтовую» пряжку, этикетку с Аделиной Патти, связанного чертика, шейной образок и, наконец, Иванушку, одноногого оловянного солдата.

— Узнаешь?

— Ну еще бы.

— Теперь я не боюсь клички «слюнтяка». От твоей армии не осталось даже и пыли, а Иванушка жив, и все такой же краснощекий. Вот видишь, Вовик, что может сделать... любовь.

В тот жаркий июльский день 1914 года, когда люди толпились около расклеенных плакатов, возвещавших о всеобщей мобилизации, когда газеты продавались нарасхват и каждый грамотный, тут же на улице, их жадно и торопливо прочитывал, Зиночка, почти что бегом, возвращалась домой.

На перекрестке двух улиц, вдруг вырвавшись из-за угла звуки старо-егерского марша, еще больше взволновали ее. Она сразу же поняла — какой-то полк направлялся к вокзалу.

Раздалось громкое ура. Публика махала шляпами, тросточками, зонтиками, бросала цветы... Кто-то высоким голосом запел: «Боже, царя храни» и сразу же вся улица с воодушевлением подхватила торжественный мотив.

Войска и стена народа остановили Зиночку. И, глядя на тускло поблескивающие штыки, невольно вспомнила она зубчатые горы из няниной приточки.

«Так и есть. Помогите Господи пробить их».

Стоявшая рядом заплаканная баба схватила ее за руку.

— И ахнуть не успела, веришь ли, и перекрестить не успела, а его, родненького, уже погнали на смерть.

Зиночка прикусила губу. Ей казалось, что она еще держится, крепится, но щеки сами по

себе вздрагивали, а глаза наполнялись слезами.

— Аль и твой ушел? — участливо спросила заплаканная баба.

После уж Зиночка сравнивала день отъезда Вовика с календарным листком, разорванным на множество кусочков. И как ни старалась, сложить их не могла, но знала — в целом получился бы не один день, а вся ее жизнь.

В нетерпеливом ожидании писем медленно проходили дни. Мария Павловна регулярно отправляла Вовику посылки с теплыми вещами, с необходимыми мелочами, с вкусными продуктами.

— Надо же бедному мальчику подсластить окопную жизнь.

Поверх всего укладывались подарки от Зиночки: веселые книги Тэффи, Бухова, Аверченко.

— Раньше ты ему военные дарила — заметила Мария Павловна.

— А теперь, мамочка, дарю лечебные, нервно-успокоительные.

Газетные новости с театра войны Зиночка узнавала от Марии Павловны, сама же просматривала только списки убитых и раненых. И чем дальше шла война, тем эти списки становились длиннее и длиннее, и Зиночке казалось, что не далек тот день, когда мертвецов и калек будет больше, чем живых и здоровых. «Нет, лучше не читать, лучше не прикасаться к этим страшным, кровавым спискам».

Ей мучительно хотелось помочь Вовику. «Силы мои малюсенькие» — думала она, — «но постараюсь хоть на короткие минуты отвести его мысли от войны вот сюда, под мирный кров, на наши тихие улицы». И Зиночкины письма удлинились. Она подробно, до мелочей, сообщала Вовику обо всех домашних и городских событиях, о всех друзьях и знакомых и даже о вовсе ему неизвестных лицах. А в конце каждого письма добавляла: «Я с тобой, Вовик, всегда рядышком, и не отойду ни на шаг, ни на миг».

И Зиночка не ошиблась: сидя на полуразрушенном фольварке или в блиндаже, Вовик прочитывал их жадно, по многу раз.

Он писал реже и короче. И по его словам выходило, будто на фронте совсем не так, как думают в глубоком тылу; что бывают перестрелки, но при окопной войне они мало опасны, а в разведках нужна осторожность, как на охоте за дикими зверями; что иногда удается и отдохнуть и вкусно поесть у гостеприимных помещиков.

Зиночка читала и поражалась. «Странно, как

же они берут города и крепости? И почему такая тьма раненых и убитых?»

— Что пишет Вовик? — спрашивала Мария Павловна.

— Все то же... как-то по-лермонтовски. Помните из «Валерика»: «Но в этих сшибках удачных забавы много, толку мало»... а дальнейшего нет, нет смертельно раненого капитана.

— И слава Богу! — Мария Павловна крестилась на икону. А не везде же там бойня. Значит, Вовик попадает на спокойные участки.

Но Зиночка сомневалась — так ли это, правда ли?

Бывало она и Вовик, гуляя зимой, заходили погреться в маленькую часовню. Там всегда горело много мигающих свечей, огненных пчелок, и так приятно пахло ладаном и воском. «Божий улей» — сравнивала Зина. А сейчас ежедневно присоединяла к сияющему рою и свою пчелку-свечу и горячо молилась о здравии христоробиного воина Владимира. Молилась и думала: «Давно ли он был розовощеким перво-классником. И вот уже рыцарь, еще безусый, только начавший жизнь, но уже готовый отдать ее за честь и благо Родины. Нет, для таких, как он, слова юного кавалергарда Сухтеленa, что молодость не мешает быть храбрым не пустая, красивая фраза.

Перед Рождеством четырнадцатого года Вовик вдруг замолк на целых три недели. Каждое утро взволнованная Зиночка поджидала у дверей почтальона.

— Нет, барышня, — с сожалением повторял он.

— Мама, как вы думаете, почему?

— Мало ли на войне причин. Может быть полк перебрасывают с места на место; может быть цензура задерживает; может быть в полевую почту угодила немецкий чемодан и все уничтожил. Таких «может быть» и не перечислишь. Успокойся и терпеливо жди.

Но вот Мария Павловна снова увидела радостно-взволнованную Зиночку с письмом в руках.

— Молчал, потому что был в пути, а сейчас в командировке и после нее приедет в отпуск. Но когда?

— Меня не спрашивай. Я всего лишь твоя мама, а не командир полка.

Прошло Рождество, прошел Новый Год — печально смотрела Зиночка на приготовленные для Вовика подарки. Кончилась его командировка, но опять задерживали какие-то непонятные дела.

«Почему не сообщает какие именно? Он что-то скрывает, но что-то скрывает и мама» — подозревала Зиночка, замечая изменившееся в

последние дни поведение Марии Павловны.

— Мама, вы какая то не всегдашняя... отсутствующая. Вам говоришь, а вы не слушаете.

Мария Павловна отмахивалась рукой.

— Ах, оставь, самая обыкновенная.

Она уже знала о печальной судьбе Вовика и напрягала все душевные силы, чтобы казаться спокойной. И хоть успела украдкой выплакаться, но предстоящий неизбежный разговор с дочерью пугал ее, сковывал решимость, и она откладывала его со дня на день. Мария Павловна не могла ясно себе представить, как Зиночка, еще не разу не столкнувшаяся с превратностями жизни, по-молодому оценивающая все и всех, примет первый, жестокий удар.

Но тяжелый день наступил.

Когда Мария Павловна вошла в комнату, Зиночка дописывала последнюю, всегдашнюю фразу: «я с тобой, Вовик, всегда рядышком и не отойду ни на шаг, ни на миг».

От полумрака вся обстановка обесцветилась, потеряла четкие контуры, расплзлась. Лампа под темным абажуром освещала только середину стола и склоненную голову Зиночки.

Она заклеила конверт и с тихой улыбкой разгладила его ладонями.

«И вот сейчас эту чудную улыбку я превращу в уродливую гримасу» — с болью в сердце подумала Мария Павловна и, зажмурив глаза, напрягала последние силы, чуть слышно произнесла:

— Зиночка... Наш Вовик... ранен.

В тот же момент с грохотом упал опрокинутый стул, и Мария Павловна попятилась от толчка. Зиночкины пальцы крепко вцепились в ее плечи, словно желая вырвать, вытрясти скрываемую правду.

— Говорите прямо, убит? — закричала она.

— Успокойся, жив!

— Честное слово? Говорите же!

— Жив, жив, пусти! Он здесь, в госпитале. Мы завтра же перевезем его к нам. Но только... когда его увидишь — и Мария Павловна отвернулась от напряженно-испытующего взгляда дочери. — Когда его увидишь... пожалуйста...

— Что, что? — и Зиночкины пальцы сжались еще крепче.

— Пожалуйста, возьми себя в руки. Ведь он — Мария Павловна бессильно опустила на кресло и зарыдала. — Ведь он... о. Господи Боже... наш Вовка... без ноги... калека.

Зиночка не разбиралась в философии, не интересовалась политикой, но знала, что каждое человеческое достижение, каждый шаг вперед,

каждая победа требовала жертв и крови, что и до Христа и после весь путь мировой истории отмечен бесчисленными крестами. Ведь живое сердце не в силах объяснить, почему происходят войны, но ясно подсказывает — не от Бога они, ибо имя Ему Любовь.

В эту бессонную ночь перед ее обостренным воображением проходили картины из совсем еще недавней были. Видела она в новеньком мундирчике первоклассника Вовку, словно накрахмаленного, неповоротливого, игрушечного; видела ловкого кадета, гимнаста, веселого и верного товарища в озорстве и играх; видела нарядного юнкера, лихого кавалериста, танцора, мечтателя и в то же время чуткого и внимательного друга. И, наконец, голубого гусара.

Но взбудораженные нервы ее постепенно успокаивались, как волны после свирепого шторма.

Она часто встречала на улицах безруких и безногих воинов, даже целые вереницы кадек.

«Но и они продолжают жить, и для них светит солнце, и они не потеряли право и способность мечтать и надеяться» — рассуждала Зиночка. — «И у того из них, кто искренне любит и так же искренне любим, могут отнять даже обе ноги, но не любовь. А только любовь, только она залечивает самые глубокие душевные раны».

И словно желая закончить свою мысль, Зиночка подошла к образу с темным ликом Богоматери.

«Пречистая Дева, ты видела людскую злобу и ненависть, стоя у креста Распятого Сына, и сердце Твое не окаменело, а осталось кротким и всеблагим. Помоги же Вовику, пусть его сердце, после всех пережитых ужасов, останется таким же, как было раньше — чистым, любящим, отзывчивым».

Потом достала заветную коробку и присоединила к своим сокровищам последнее, не посланное Вовику письмо.

Долго держала она на ладони сломанного оловянного солдата.

«Теперь мне ясно: Вовик, как и ты, участвовал во многих боях, а для нас сочинял рассказы о безопасном фронте. Потерял ногу, лежал в госпиталях, а чтобы скрыть и это, посылал письма кружным путем через полковых товарищей. Но как обвинить ложь, сказанную ради спокойствия тех, которые любят его больше, чем самих себя».

И Зиночка уложила солдата на новую ватку со словами:

— Я всегда любила тебя, но сейчас ты мне особенно дорог.

А в десять часов утра Мария Павловна увидела нарядно одетую Зиночку, уже готовую, чтобы ехать за Вовиком.

— Подожди минуту, я сразу же соберусь — заторопилась она.

— Нет, мама, вам незачем — остановила ее Зиночка. — Ждите нас дома.

— Но, Зиночка...

— Я сама. Так лучше.

Тут только Мария Павловна заметила в дочери странную перемену. Лицо ее было спокойно, голос ровный, но и в том и в другом появились непривычные для глаз и уха Марии Павловны твердость и решимость. Перед ней стояла не капризная, своенравная барышня, требовавшая деньги на кино и театр, не та Зиночка, что ездила с вечеринки на вечеринку, с бала на бал, а другая, выросшая и созревшая за одну ночь.

И Мария Павловна, не споря, согласилась:

— Ну, как хочешь...

Никогда Зиночка не чувствовала себя такой сильной, как в это утро. Словно дорога в ее будущую жизнь, иногда казавшаяся ей не совсем определенной, открылась перед ее взором во всю ширину и длину, она зашагала по ней со светлой улыбкой, храбро, без колебаний.

Услышав приближающиеся шаги, Зиночка поднялась со стула. Дежурной сестре, провожавшей Вовика до приемной, показалось, будто эти юные существа расстались только вчера и будто разделяла их не отрадная война, а всего лишь городская улица.

— Здравствуй, родной!

Вовик, непривыкший еще к костылям, опирался на них неловко, нетвердо. Они были велики и несуразно приподнимали плечи. Сразу бросался в глаза беленький крестик на оранжево-черной ленточке, приколотой к его гимнастерке. Аккуратно подвернутая левая штанина, оканчивалась около колена.

Георгиевский крест Зиночку не поразил — он был так естествен на груди Вовика — рыцаря, Вовика — героя. Не поразили и костыли и то, что стоял он на одной ноге — все это она уже пережила. Зиночку тревожило другое, самое важное и ценное — ее ли это Вовик?

Да, это был он... бледный, похудевший, страдавший и сейчас глядевший на нее с доброй, виноватой улыбкой. Он как будто молча извинялся: «...ты уж не сердись на меня».

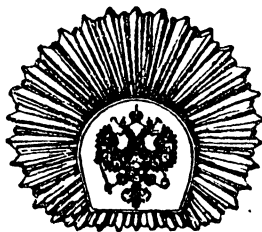
— Вовик... — она хотела тут же освободить его от всех сомнений, от всего, что считала во все ничтожным в их чувствах и отношениях и что могло мучить и удручать его, но от радостного волнения не находила нужных слов.

— Видишь какой я... безногий солдатик. Взять и выбросить, или положить на ватку в твою заветную коробку и спрятать в самый темный уголок шкапа.

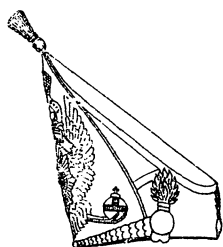
Зиночка осторожно обняла Вовика и, чтобы скрыть счастливые слезы, прижалась головой к его груди.

— Нет, нет, не говори так. Сам знаешь, тебе приготовлено другое место... давным давно... вот здесь, в моем сердце.

Николай Турбин

Солдатский сундучек

Солдатский сундучек. Видели ли Вы его когда-нибудь, его и его содержимое? Ведь по нему можно безошибочно определить, откуда родом владелец. Для того, чтобы далеко не ходить, подойдем к ближайшей койке. «Оглоблин, покажи-ка, брат, твой сундучек».

«Извольте, Ваше Высокоблагородие», — и рослый солдат вытащил из-под койки сундучек, крепко скрепленный пазами из толстой кедровой доски, обитый снаружи цветистой жостью с замком «тагильского дела», который, имея внутри три пластинки, при повороте ключа играет на всю роту.

Крышка откинута и внутри, на крышке, целая картинная галерея.

В центре портрет Государя, чаще всего в полковой форме и гренадерке, но иногда Царский портрет заменяет открытка со всей Царской Семейей, 2-3 открытки, содержанием своим напоминающие владельцу его родные места.

Вот старичок в тулупе, меховой шапке сидит над прорубью и ловит лучком рыбу. Морозный вечер и полузанесенная снегом изба, и прямо на нас бежит серый конь и тащит розвальни, в которых, завернувшись в тулуп, сидит мужик. Рядом картинки из иллюстрированного журнала. Эtiquettes от шампанской бутылки, полученные от приятеля, служителя в собрании, верх от бонбоньерки с ярким попу-гаем.

Все пестро, ярко и ласкает взгляд хозяина. Слева закрытая полочка; там бритва, помазок, ремень и камень для правки бритвы, деревянный игольник с толстыми иглами, в мешочке пуговицы и моток крепчайших деревенских ниток, клубком намотанных на кольцом свернутую гусиную шейку, а внутри шейки катаются и гремят 2-3 дробинки; пузырек с чернилами, ручка с пером, огрызок карандаша, несколько старых писем, наполненных поклонами от дядей, теток, сватов и прочей деревенской родни, и только в конце письма написано о де-

ле или о деревенских новостях. На самом вер-ху сундучка полученная на днях пара подметок. Крепко пахнет сапожным товаром. Под ней рубаха, подштанники и портянки, выданные от казны, под ними цветная рубаха и холщевые исподники, принесенные из дома, толстые шерстяные чулки, пестрядевые штаны, в коих явился на службу. Полушубки, тулупы и кожаные, как вещи громоздкие, сохраняются в цейхгаузе. А сбоку — кулечки и мешочки, в которых плиточный чай, кусковой сахар, коржики и колбочки, привезенные из дома либо присланные в посылке, «сибирские разговоры» — кедровые орешки. Хозяин этих драгоценных вещей — сибиряк.

А вот сундучек Бондаренко: по зеленому полю расписаны цветы и листья, замочек тихий, без звона, на внутренней стороне тоже портрет Государя, или всей Царской Семейи и картинная галерея — открытки: Куинджи, Левитана, «Украинская ночь» — речонка и отара овец на берегу, «Малороссийская хата», вся в подсолнухах и маках. Парубок с дивчиной, словом, все то, что так дорого его хохлацкому сердцу.

После казенных вещей лежит шитая крестиками рубаха, широкие штаны, цветной пояс, а в мисочке с какой-нибудь деревенской ярмарки завернутый в чистую холстину кусок толстого малороссийского сала, две сохранившиеся тараньки и мешочек с сушеной вишней.

У Оренбуржцев все то же самое: и сундучок на манер сибирского, и замок со звоном, но продуктовая часть иная. Там, кроме чая и сахара, есть еще специальность местного деревенского кондитерского искусства: коржи на сале и татарская пастила. «Вы, Ваше высокоблагородие, сами знаете, какая у нас Тимашевка».

Тимашевкой, по имени крупного стародавнего помещика Тимашева, называется род низкорослой, кустарниковой, дико-растущей вишни, ничем не уступающей садовой, до того полны, крупны, сочны и сладки ее ягоды.

«А как скосим траву, так все поле красное, до того много ягоды-земляники. Возами возим и тимашевку, и землянику — да девать некуда. В Оренбург везти два дня надо — закиснет и помнется дорогой, вот наши бабы и варят их,

приглядевшись к татарам. В корчагах надавят, да на рядно намажут толщиной как тесто для пельменей, и на солнце. А как высохнет, скатают, как бумагу, и в кладовку. Зимой с ней чай пьем».

У солдат северных и северо-восточных губерний мешочков нет; если и есть, то мало, а все туесочки, искусно сплетенные из лыка и с узорчиками. У поляков и литовцев, рядом с Царской Семей, католические иконки «Ченстоховской Божией Матери», или «Остробрамской», или «Сердца Иисусова». Содержимое сундучков победнее: нет там сала, нет коржей. Разве только у какого-нибудь шляхтича, попавшего по необразованию рядовым, от «ойпа», владевшего небольшим «майонтком» (фольварком) попадетя литовская колбаса, копченое сало и варшавские «цукерки».

Дело к вечеру. Смеркается. По Марсову полю метет снегом. Редкие прохожие тянутся от Троицкого моста к Садовой, прозвонит трамвай мимо Летнего сада. У главных ворот казарм, что выходят на Константиновскую площадку, закутавши голову башлыком, в тяжелом тулупе и кенях, в рукавицах, топчется на морозе дневальный с винтовкой.

Из-за угла казарм, со стороны Марсова поля надо полагать, с Николаевского вокзала, завернул и остановился у ворот извозчик. На санях два большие мешка и солдат, вернувшийся из отпуска. Слез, достал кошелек, расплатился с извозчиком, прибавив пятак. Извозец махнул головой и «спасибо, брат» сказал. Слез с облучка и помог дотащить мешки к воротам.

«Ты, брат, посмотри за мешком, пока я в роту вот этот не сволоку», обратился приехавший к дневальному.

«Иди, иди, не беспокойся, сохранно будет».

Взвалив тяжелый мешок на плечо, солдат скрылся в темноте ворот, а минут через десять вернулся за другим мешком.

«Что больно тяжело привез?», спросил дневальный.

«Да все деревенские гостинцы привез землякам. Просили, ну как откажешь!»

«А это точно».

«Из нашего села да из соседних деревень. Тут, брат, надо и в Преображенский полк снести и в Гренадерский. Надавали много, ну и помучился я с ними дорогой».

Развязал мешок, пошарил там рукой и, вынув пирожок в добрую ладонь, протянул дневальному.

«На-кося и ты деревенского гостинца».

«Ну, спасибо на этом. Вот сменюсь — закушу».

И второй мешок скрылся в воротах.

Притащив мешок и поставив его рядом с первым у своей койки, где уже сидели его ближайшие соседи, прибывший одернул шинель, поправил тесак и пошел «являться» дежурному по роте.

«Господин дежурный. рядовой Аликин из отпуска прибыл».

«А, здорово, как съездил? все ли благополучно?»

«Так точно, господин взводный, все благополучно и съездил хорошо».

Сдал билет, вернулся к своим мешкам и начал распоряжаться. «Ты, Артемьев, сходи, позови Медведева и Онохина, им я привез от ихних родителей гостинца, да позови Старостина и Сапогова, а я пока к фельдфебелю схожу», и достав немалый сверток, отправился к комнате фельдфебеля. Постучал в дверь: «Разрешите войти, господин фельдфебель». «Входи, коли нужно. А, это ты Аликин? Ну, как съездил?» — «Покорнейше благодарю, съездил даже очень хорошо. Вот, господин фельдфебель, родители мои вам гостинца прислали, мороженых пельменей и сибирского нашего разговорца — кедровых орешков».

«Спасибо, Аликин, что не забыл. Я вот их сейчас и сварю».

«Разрешите итти?» — «Иди, спасибо за гостинец».

Пока фельдфебель посылал своего камчадала (так спокон века назывался солдат, прислуживавший фельдфебелю) за фельдфебелем соседней роты Булкиным и за кипятком в солдатскую лавочку, Аликин со товарищи тоже раздобыли кипятку, опустили туда пельмени и поставили в печку, чтобы сварились. Подошли позванные из рот земляки, которым Аликин из деревни от родных привез разные кулечки и мешочки с тем же неизменным сибирским угощением, морожеными пельменями, колобками и кедровыми орешками. Расселись по соседним койкам, хозяева которых тоже приняли участие в угощении, достали ложки и, когда пельмени сварились, принялись за них.

Фельдфебель, позвав в гости фельдфебеля соседней роты и ротного писаря, достал из шкапчика бутылку водки, — «ну какие же это пельмени без водки?» — все уселись за стол и тоже принялись за угощение.

Сегодня суббота. С утра рота была в бане, потом мыли полы в ротном помещении, занятий не было, не было и нарядов: можно было подольше посидеть, попить вволю чайку и наговориться о деревенских делах-делишках.

После пельменей перешли к ротному столу, достали чай, сахар, разложили пироги и колобки, поочередно бегали за кипятком и долго сидели земляки и вели тихий разговор.

Почти такая же картинка наблюдалась, ко-

гда возвращался из отпуска какой-нибудь Бондаренко, Кобзарь, или Сухозад. Разница была только в том, что фельдфебель получал, вместо пельменей, здоровый кусок сала, две-три крупные тарани или мешочек сухих вишен, а земляки вместо пельменей ели сало с пшеничным хлебом, а тарань отбивали тесаком, чтобы легче снималась кожа, и пили чай бесконечно.

Однажды такую тихую и позднюю беседу посетил дежурный по полку офицер. Встреченный дежурным по роте, он спросил о причине такой поздней беседы.

«А это, позвольте доложить, Ваше высокоблагородие, из отпуска Игнатов приехал, привез деревенские гостинцы землякам, теперь угощаются».

Подошел офицер к вскочившим землякам.

«А что это вы, братцы, едите?»

«Дозвольте доложить, Ваше высокоблагородие, это значит наши деревенские колобочки, а это крут-киргизский сыр, а вот татарская пастила».

«Да какая же это пастила? это тряпка какая-то».

«Так точно, выглядит как тряпка, но она все-

гда такой вид имеет».

«А из чего же она делается, эта самая пастила?»

«Из вишен, из полевой ягоды земляники. Их у нас по степям и увалам неисчислимое количество, возами возим, а девать некуда. Вот наши бабы, приглядевшись к татарам, и делают такую татарскую пастилу. У нас у всякого этого добра много, с ней чай пьем. Извольте попробовать, Ваше высокоблагородие?»

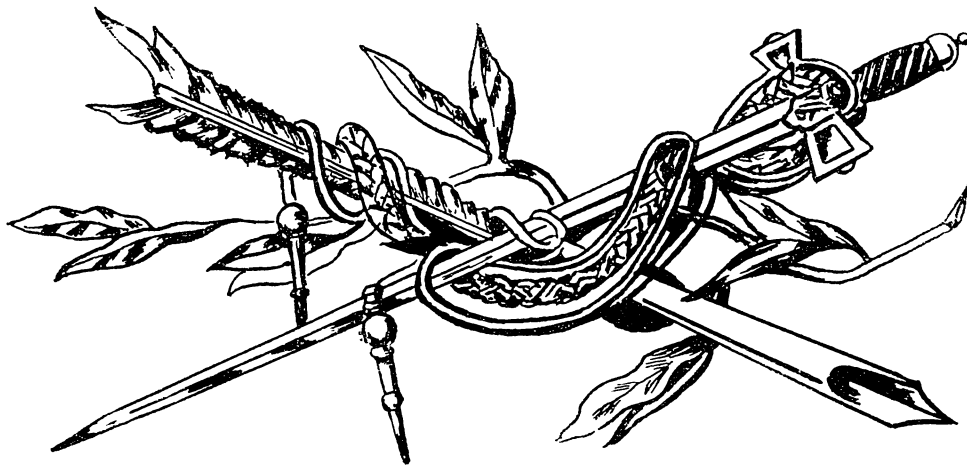
Офицер оторвал кусок, взял в рот, и лицо его сразу перекосило. «Ух! да и кисло же!».

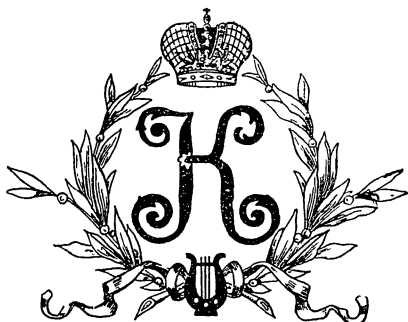
Солдаты дружно улыбнулись: «Так точно, Ваше Высокоблагородие, кисловато, а с чаем — самый раз. Слышь ты, Радивиллов, дай Их Высокоблагородию чистый стаканчик с чаем».

Радивиллов налил чая, положил по своему усмотрению сахару и подал на блюдце дежурному. Тот опустил туда, по примеру солдат, кусок пастилы, размешал, хлебнул раз, другой и выпил весь стакан.

«А ведь верно, очень хорошо. Ну, спасибо, братцы», и пошел дальше по ротам, совершая вечерний обход рот и команд.

А. Редькин

Княжеконстантиновцы

Чудо двадцатипятилетнего существования на чужбине нашего корпуса оказалось возможно, прежде всего, благодаря участию короля Александра I. Любование его к нам участие, глубокое понимание им нашего национального долга, его благороднейшая способность — благотворить и быть благодарным, дали возможность осуществиться этому чуду и навсегда запечатлели в нашей памяти образ этого великого Человека и Монарха. В истории существования нашего корпуса в Югославии, король Александр занимает совершенно исключительное место. Ему корпус обязан своим существованием, Ему и своим благополучием. Знаки его внимания были многочисленны — от разрешения носить форму, участвовать в парадах, наравне с воинскими частями, до щедрых даров на обмундирование выпускников и, наконец, пожалования корпусу Шефства Великого Князя Константина Константиновича.

Благодарность наша распространяется и на весь братский народ Югославии, принявший нас с таким радушием и гостеприимством, что это как-то даже примиряло нас с горечью изгнания.

Отношение кадет к Королю нашло свое выражение в записи, в Книге посетителей, сделанной одним бывшим кадетом, югославянским офицером: «Верой и правдой служба Королю, помним, чье Имя носим».

Плоть от плоти Российской Императорской Армии, Русские кадеты приняли самое активное участие в вооруженной борьбе на всех фронтах гражданской войны.

Во время революции, корпуса, естественно, оказались контрреволюционными очагами и как таковые, навлекли на себя главнейшие удары противника. Это повело к гибели многих кадет и лиц персонала, а затем и к участию оставшихся в живых, в рядах Белых армий и страшным расправам с ними. В этой борьбе, погибли бесследно все корпуса, кроме тех, которые оказались в сфере гражданской войны и не поддались окончательному разгрому. Это были: на

юге — Киевский, Одесский, Полтавский, Владикавказский и Донской и на востоке — Сибирский и Хабаровский.

Судьба этих корпусов сложилась так: Владимирский Киевский корпус, после больших потрясений и смен режимов, в декабре 1919 г., прибыл в Одесский корпус, где уже находилась, эвакуированная во время войны, 2-я рота Полоцкого корпуса. Спустя месяц, 25 января 1920 г., при оставлении Одессы, кадеты были эвакуированы, частью морем в Югославию, частью, с жестокими боями пробившись в Румынию, откуда были перевезены в ту-же Югославию. (см. Приложение). По прибытии корпусов в Панчево, кадеты были размещены в здании венгерской школы, а питались во дворе Комендатуры. От Команданта этапа, было получено на каждого кадета — комплект белья, одеяло и кусок мыла. Так началась жизнь корпусов на чужбине.

По прибытии из Варны части кадет и из Румынии другой группы, во главе с полковником Гуциным и капитаном Ремертом, распоряжением Русского Военного Агента, киевляне были отправлены в Сисак, а Одесский корпус, вместе с полочанами, под начальством полковника Самоцвета, оставлен в Панчево. 10 марта 1920 г., приказом Военного Агента, оба корпуса были сведены в один и директором назначен ген. лейт. Б. В. Адамович. 12 июня того-же года, оба корпуса прибыли в Сараево и разместились в казармах Короля Петра. С каждым днем, вводились различные улучшения в быт кадет, с целью, чтобы и на чужбине, корпус, по возможности, мало чем отличался от корпусов на родине.

В 1929 году, корпус был перемещен в Белую Церковь и получил, по приказу Короля Александра, Шефство и наименование: 1-й Русский Великого Князя Константина Константиновича кадетский корпус», при чем, на погоны был дан вензель Великого Князя.

Петровский Полтавский кадетский корпус, переживший те-же волнения и смуты, что и Киевский, был переведен, в декабре 1919 г., во Владикавказский корпус, только что восставленный на старом пепелище, после разгро-

ма. Но, уже через полгода, летом 1920 г., оба корпуса с боями, отошли по Военно-Грузинской дороге, на Кутаис, откуда были перевезены в Батум и дальше, морем, в Крым, в Орианду и Массандру. Там оба корпуса были соединены и наименованы, сначала Сводным Полтавски-Владикавказским а, 22 октября — Крымским кадетским корпусом. Спустя десять дней, корпус был эвакуирован в Югославию, в декабре прибыл в Стрнице, в Словении, где был размещен в разрушавшихся бараках для пленных. В 1929 г., Крымский корпус был расформирован, а личный состав влит в 1-й Русский и Донской кадетские корпуса.

Донской Императора Александра III кадетский корпус, наименее задетый революционными событиями, в декабре 1919 г., походным порядком выступил в Новороссийск, откуда в феврале 1920 г. был эвакуирован в Египет, в г. Измаилию, на Суецком канале. Спустя два года, он был отправлен в Болгарию, но по пути расформирован англичанами. Между тем, тифозные и больные его кадеты, в большом количестве, оставшиеся в Новороссийске, были собраны в команду, вывезены в Евпаторию и в марте 1920 г., наименованы Евпаторийским отделением Донского к. к. 29 октября того-же года отделение это, с зачисленными в него вновь малолетними было эвакуировано из Евпатории в Константинополь. 3 декабря, оно, приказом по Всевеликому Войску Донскому, было наименовано 2-м Донским кадетским корпусом и прибыло 14 декабря в тот-же лагерь в Стрнице, где уже находился Крымский корпус. Год спустя, 2-й Донской корпус был переведен в Билечу. 12 сентября, приказом Донского Атамана, корпус был переименован в Донской Императора Александра III кадетский корпус и переведен в Горажду, где 1 августа 1933 г. расформирован, с переводом кадет и части персонала в 1-й Русский кадетский корпус.

Сибирский Императора Александра I и Хабаровский Графа Муравьева-Амурского кадетские корпуса, после поражения белых армий в Сибири, переведены были во Владивосток и расположены на Русском острове, в казармах 35 и 36 сибирских стрелковых полков. В обоих корпусах числилось тогда около 900 кадет. 24 октября 1922 г., когда угроза взятия красными нависла над Владивостоком, кадеты, в количестве около 400 человек, были погружены на малые судна и отправлены через Японию в Шанхай. На переходе, эскадра попала в тайфун и бесследно исчез пароход «Лейтенант Дыгмов», на котором находилось 30 кадет.

После двух лет жизни в Шанхае, 6 ноября 1924 г., 250 кадет обоих корпусов, были погружены на пароход и отправлены в порт Сплит, в Югославию, куда и прибыли 6 декабря 1924 г., а 3. февраля часть кадет, во главе с полковни-

ком Поповым-Азотовым была зачислена в 1-й Русский корпус а часть в Донской.

Так начали свое существование на чужбине, остатки Русских кадетских корпусов. Как уже было сказано, в августе 1929 г., Крымский корпус был расформирован и кадеты были влиты в 1-й Русский и Донской корпуса, в свою очередь, и Донской корпус был закрыт 1 августа 1933 г., также с переводом кадет в 1-й Русский к. к. Таким образом, из трех корпусов, бывших в Югославии, с 1933 г. остался только один 1-й Русский Великого Князя Константина Константиновича. Образованный слиянием кадров Одесского и Киевского корпусов, принявши старшинство Киевского, как старшего, соединивший в себе традиции и воспоминания Полоцкого, Полтавского, Владикавказского, Донского, 1-го Сибирского и Хабаровского корпусов, он явился последним из русских кадетских корпусов, наследником былой славы и традиций его тридцати старших братьев.

1-й Русский Великого Князя Константина Константиновича кадетский корпус просуществовал до занятия Белой Церкви советскими войсками в 1945 г.

Казармы Короля Петра, в Сараево, где разместились в начале наш корпус, представляли собою здание вполне соответствующее потребностям корпуса, при штате в 300 кадет. Между тем, первоначальные штаты были рассчитаны на 500 душ — 4 роты и выпускной взвод. С отъездом первого выпуска в Крым, выпускной взвод больше не восстанавливался а невозможность вместить в здание больше 300 кадет привела к сокращению состава до трех рот.

Размещение в Белой Церкви, впоследствии, было более удобным, все помещения роты, как классы, так и спальни, находились там в одной части здания. Что-же касается внутреннего оборудования и благоустройства, то они были одинаковы, как в Сараево, так и в Белой Церкви.

Корпус приехал в Югославию без обмундирования, без смены белья, обуви и т. п., было то что находилось на людях, а можно сказать что на некоторых из них не было почти ничего. Но, в течении первых пяти лет жизни в Сараево, по мере укрепления веры в жизненность корпуса, в его стены стали стекаться различные музейные вещи и ценности, вывезенные отдельными лицами и воинскими частями. 21 апреля 1925 г., генералом Адамовичем был отдан приказ об основании музея. Задачей музею было поставлено собирать реликвии и памятные вещи корпусов Одесского, Киевского,

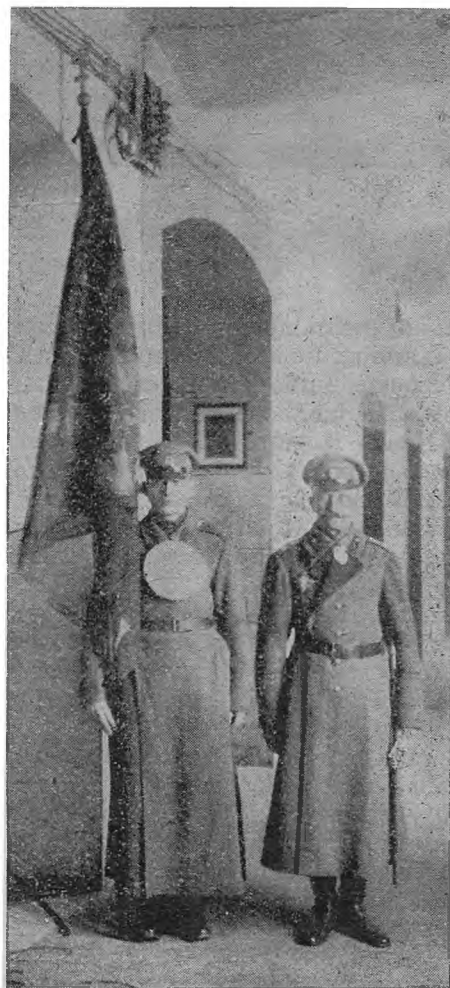
Ген. лейт. Б. В. Адамович
в форме Виленского Военного училища.

Полоцкого, Сибирского и Хабаровского. Кроме того, в особом отделе, должны были собираться все предметы, имеющие отношение к Царственному Генерал-Инспектору Военно-учебных заведений Великому Князю Константину Константиновичу. Спустя три года, по описи музея, числилось уже около полутора тысяч предметов. В 1929 г. музей значительно расширился, включив в себя многие предметы, относящиеся к памяти умершего Главнокомандующего генерала Врангеля. В музее-же хранилось много вещей, исключительной исторической ценности, принадлежавших Императору Александру II. Кроме двух частиц знамени Владимирского Киевского кадетского корпуса и знамени Симбирского служившего запрестольной иконой в нашей церкви, хранилось и знамя Полоцкого корпуса. В день корпусного праздника, знамя это выносилось на молебен а ежегодно, в канун праздника Полоцкого корпуса и Роты Его Высочества переносилось в помещение роты, где и оставалось до вечера дня праздника. Все кадеты роты несли по очереди караул у знамени. Знамя Симбирского корпуса, спасенное кадетами его и доставленное в Добровольческую Армию, как сказано, служило у нас Запрестольной Иконой с 22 сентября 1921 г. до сентября 1929. Участник спасения знамени кадет II выпуска Короткий был произведен в вице-унтер-офицеры. С 1929

г., Запрестольным Образом стало служить знамя Сумского корпуса, перешедшее к нам, вместе с церковью от Крымского корпуса. Кроме того, в музее хранилось 95 старых знамен Императорской Армии.

6 декабря 1926 г., преемственно от Владимирского Киевского кадетского корпуса, корпус праздновал свой 75-летний юбилей. Весь праздник, носивший скромный но красивый характер был отголоском дорогого прошлого, приветом родине и прославлением старой, полной заслуг перед Россией, школы кадетских корпусов, создавшей славные преданиями Владимирский Киевский корпус и вдохнувшей дух и силы в зарубежную деятельность нашего корпуса.

Основная идея корпуса была выражена в надписи у входа «Помните чье имя носите» — имя России и Великого Князя Константина Константиновича.

Корпусное Знамя.

Корпусный оркестр.

Из общего числа двадцати пяти выпусков кадет, первый был целиком отправлен в Севастополь, последовавшие два, в своей значительной части, в Николаевское кавалерийское училище, в Белой Церкви. По производстве их в офицеры, многие устроились на ту или иную службу, в Королевстве, а некоторые и далеко за пределами его. Некоторые смогли добиться возможности не только поступить но и кончить университет.

Положение нескольких первых выпусков было особо трудным. Близких — никого, аттестат, в то время, еще не давал права на поступление в университет и многие, не дождавшись решения этого вопроса, бросали мысль о продолжении учения. Устройство студенческих общежитий и предоставление стипендий на право учения, значительно облегчило положение но нельзя было обслужить всех, слишком велики были выпуски из корпуса и, наряду с этим, значительно число студентов, стремившихся закончить свое незаконченное в России образование.

Но, несмотря на все препятствия и невзгоды, кадеты, в общем, учились в университете хорошо и некоторые были даже оставлены при

нем. В других странах, наши кадеты также с успехом заканчивали свое высшее образование. Многие из них, в настоящее время, руководят крупными предприятиями, занимая ответственные посты, делающие им честь и создающие хорошую репутацию русской школе — корпусу, давшему им среднее образование.

Как только для них открылись двери Военной Школы в Белграде, кадеты, в значительном числе, стали направляться в нее. Здесь они своими успехами заслужили внимание начальства, они служили, впоследствии, во всех родах оружия и достигли высоких чинов. У нас нет исчерпывающих сведений об участии бывших кадет, офицеров королевской армии в войне, но известно, что очень и очень многие своей кровью и жизнью, доказали преданность приютившей их стране.

За 25 лет существования, корпус сохранил в полной мере облик Русского кадетского корпуса, не отступая от традиций воспитания, заложенных его славными предками-корпусами. За это время, корпус подготовил для будущей национальной России много преданных Ей слуг, воспитанных в любви к Отечеству, сохранивших непобедимое к нему тяготение и стрем-

ление. Такая большая и ответственная работа могла быть проделана только благодаря самоотверженному служению учебно-воспитательного состава корпуса во главе с покойным первым его директором, незабвенным генералом Адамовичем и последующим директором ген. Поповым. Труды их велики и будущая Россия их не забудет и оценит по достоинству.

Но вот, есть тут еще кое-что, чего не найти ни в каких документах и архивах, это то, что дал корпус самим кадетам, те взгляды и те понятия, которые вынесли с собой кадеты из корпуса и их отношение к родному гнезду. Об этом могут говорить только бывшие в корпусе, только те, кто прошли его школу.

Быть человеком с высшим образованием, быть инженером, офицером — это еще недостаточно, а в нашем положении, за границей, это еще совсем мало. Нам надо быть Русскими, прежде всего Русскими, глубоко и сознательно Русскими. Быть подлинными носителями Русской национальной идеи и высоких принципов добра и красоты. И это — то исповедание Русскости и дал нам наш корпус. Корпус дал нам веру в Высшую Правду и Высший Закон и эта вера помогает нам переносить все невзгоды и неуклонно следовать вперед по нашему тяжелому пути. С юных лет, воспитал в нас корпус любовь к Родине. Весь порядок жизни в корпусе, каждая картина на стенах его, каждая мелочь — были отзвуком России и, любя корпус, мы научились любить нашу Родину. Научились любить Ее за Ее былую славу, за Ее величие и красоту, за Ее искусство, музыку, литературу, науку. Любить Ее за то, что она Россия а мы — Русские.

Покойный генерал Адамович читал нам интереснейшие лекции по истории русской живописи. Часто, вечерами, в зале мы слушали отрывки из русских опер, лучшие образцы русской камерной и симфонической музыки и к этому пояснения и описания жизни и деятельности наших знаменитых композиторов. Наши оркестры, духовой и струнный, дополняли наше музыкальное образование.

А всевозможные юбилеи виднейших представителей Русской науки и литературы, неукоснительно праздновавшиеся в корпусе? А лекции по Русской истории, а памятный юбилей Суворова, с выносом старейших знамен из музея, в церковь, на молебен? А наши торжественные парады! В строевом отношении, кадеты корпуса стояли на большой высоте. Недаром, король Александр, после первого же их участия в параде, в Сарзеве, в составе войск

гарнизона, сказал генералу Адамовичу: «Ваши кадеты ходят лучше моей гвардии!» Словом, корпус наш остался для нас дорожим воспоминанием на всю дальнейшую жизнь.

Составил **Владимир ЯГЕЛЛО**

Ген. лейт. Б. В. Адамович.

В МУЗЕЕ КОРПУСА

Вхожу в музей и старина седая
Суворовских развернутых знамен,
Из тлеющего шелка вырастая,
Встречает славою былых времен.
Под сенью их — кадетские знамена:
Симбирцев — слева, справа — Полочан
И под гербом стеклянным медальона
Частицы знамени хранятся Киевлян.
Бывают дни и Полоцкое знамя
Вынесится в кадетские ряды..
Горит тогда в рядах восторга пламя,
У знамени и верность, и цветы.
Вот бюст и книги Князя Константина,
Зовущие к добру и красоте,
И кладбища кадетского картина
С ветвями верб, склонившихся к плите.
Вот стол, как жертвенник, с венком терновым,
За ним Корнилов отдал жизнь свою,
Когда он шел за жребием суровым
И храбро пал за Родину в бою.
И Врангеля заветные предметы
Размещены заботливой рукой:
Шинель его, фуражка, эполеты
И масса лент с прощальною строкой.
Но здесь не только храм святого тленья
И дел минувших славные следы:
Хранит музей и первые труды
Идущего на смену поколенья.
И богатырь, глядящий зорко в даль,
Лепной работы юного кадета,
Как будто видит новую скрижаль
И подвиги грядущего разсвета!

Полковник П. В. БАРЫШЕВ

Ген. лейт. Б. В. Адамович в форме корпуса

Могила ген. лейт. Б. В. Адамовича.

В 1925 году, группа бывших кадет Княже-Константиновцев, продолжавших свое образование в высших учебных заведениях Бельгии, образовала «Объединение бывших кадет Княжеконстантиновцев в Бельгии». Главной целью Объединения было поставлено — сбор средств на стипендии в высших учебных заведениях для кадет, окончивших Русский Великого Князя Константина Константиновича кадетский корпус в Югославии. Благодаря этой работе, в последовавшие годы, многие кадеты, по окончании курса корпуса, смогли продолжать учиться и получить университетские дипломы.

Кроме этого, была устроена Касса Взаимопомощи, которая пополнялась сборами по подписным листам и доходами с устраивавшихся балов и концертов.

В 1930 году, Великий Князь Гавриил Константинович утвердил внутренний устав Объединения и его основные положения. Девизом Объединения был принят: «Помните чье имя носите». Значек: Крест Святого Александра Невского и на нем три скрещенных кадетских погона.

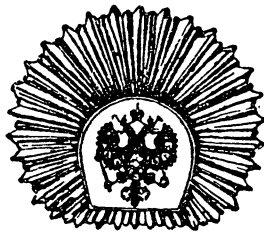
Песня: «Наш полк» — слова Великого Князя Константина Константиновича.

Праздник: День Святого Александра Невского — 6 декабря нов. стиля.

Во время Второй мировой войны, Объединение временно прекратило свою деятельность а после заключения мира ее возобновило и, в меру своих возможностей, приходит на помощь своим воспитателям и однокашникам, впадшим в несчастью или потерявшим возможность работать.

Во всех странах нашего рассеяния, кадеты Княжеконстантиновцы единой душой и «рассеянные не не расторгнутые» продолжают свое дело помощи нуждающимся товарищам.

Г. Г.

Приложения

ПРИКАЗ ВОЕННОГО АГЕНТА В РУМЫНИИ № 17.

2/15 апреля 1920 г.

Бухарест

§ 1.

25-го апреля произошла эвакуация Одессы. Часть войск добровольческой армии, масса беженцев с женщинами и детьми отходила под натиском большевических частей и банд к границам Румынии. В составе отступавших находилось около 400 кадет Киевского и Одесского корпусов, многие младших классов, в возрасте 12-14 лет.

Отход от Одессы, под угрозой нападения со всех сторон, при ничтожных для противодействия большевикам силах, отсутствие боевых

ряда обозом, в коем следовали женщины и дети, холоде и недружелюбном отношении запуганных большевиками жителей, требовало сверхъестественных усилий преодоления лишений и сохранения бодрости.

31 января, части, под общим командованием полковника Стесселя, вступили в бой с большевиками, превосходными силами около дивизии, наступавшими со стороны с. Выгоды и бригадой Котовского со стороны с. Зельц. Отряд полковника Стесселя, не превышавший 600 человек бойцов, вынужден был принять бой для спасения беженцев, женщин и детей. Левый фланг был поручен кадетскому корпусу под начальством капитана Ремерта. Сплоченные узами товарищества, крепкие духом, кадеты явились лучшей организованной частью, о которую разбились все атаки противника.

На левый фланг большевиками были направлены наибольшие силы и проявлено наиболь-

шее упорство для овладения селением Кандель.

Жестокий артиллерийский, пулеметный и ружейный огонь не мог поколебать мужественных кадет. После соответственной подготовки, большевики бросили на левый фланг бывшие у них кавалерийские части. Неудача грозила гибелью всему нашему отряду. В эту решительную минуту, юноши дети кадеты, понимая всю важность обороняемой позиции не смутились натиском противника.

Дружные залпы встретили несущуюся кавалерию. Твердой станой стояли кадетские штыки. Не ожидавшие такого мужества и выдержки, большевики обратились в бегство. Успех на левом фланге отразился на действиях всего отряда, перешедшего после этого в контр-наступление, продвинувшееся на 5 верст к ст. Выгода, после чего возвратился в исходное положение.

В тот же день, отряду пришлось выдержать второй бой с полным для нас успехом. Бой длился с 9 часов утра до 6 часов вечера с перерывами.

В последующие дни части кадет удалось переправиться в Румынию. Мужество и доблесть кадет в этих боях, понесших в бою и впоследствии огромные потери, ставит их в ряды испытанных воинов.

От имени Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России благодарю доблестных героев кадет за полное самоотвержение в боях под Канделем и Зельцем.

От имени Главнокомандующего благодарю воспитателей корпуса положивших зерна безграничной любви к Родине в сердца их воспитанников. Верю, что проявив столько доблести в юношеском возрасте за дело страдающей Родины, кадеты впишут свои имена золотыми буквами в историю возрождения России.

Генерал-Лейтенант Геруа

ПО ЧАСТИ СТРОЕВОЙ

§ 2.

Именем Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России, властью мне предоставленной, награждаю, в воздание отличных подвигов самоотвержения, мужества и воинской доблести, оказанных нижеследующими кадетами Одесского кадетского корпуса в тяжелых боях против большевиков при отходе части Добровольческой Армии от Одессы в Румынию 31-го января под селениями Зельц и Кандель:

Георгиевским Крестом 4-ой степени:

1) Кадета 1 роты Глеба Никольского, за то, что в бою под Канделем, будучи ранен, оста-

вался в строю ободряя товарищей и примером мужества и храбростью содействовавшего отражению большевической атаки и нашему переходу в наступление (пункт 4 и 5 ст. 67 Георгиевского статута).

2) Кадета Владимира Стойчева, за то, что в бою под Канделем, примером отличной храбрости ободрял товарищей и будучи ранен, оставался в строю, показывая товарищам пример мужества при отражении большевиков.

3) Кадета Никитина, за то, что под деревней Кандель, при отражении большевиков, примером отличной храбрости ободрял товарищей, увлекая их за собой, чем способствовал нашему переходу в наступление, своей смертью запечатлев содеянные им подвиги.

4) 3-ей степени: Кадета Николая Северьянова, за то, что в бою под деревней Кандель, во время отражения атаки большевиков, примером отличной храбрости ободрял своих товарищей, чем способствовал нашему переходу в наступление.

4-ой степени: кадета Андрея Авраменко, за то, что в бою под деревней Кандель при отражении атаки большевиков, примером отличной храбрости ободрял товарищей, чем способствовал нашему переходу в наступление.

Георгиевской медалью 4-ой степени:

1) Кадета Николая Тарасенко, за то, что в бою под деревней Кандель при отражении атаки большевиков на удерживаемую позицию, примером личной храбрости, способствовал нашему переходу в наступление.

2) Кадета Александра Сахно, за то, что в бою под деревней Кандель, при отражении атаки большевиков на удерживаемую позицию, примером личной храбрости и мужества способствовал нашему переходу в наступление и, будучи дважды ранен, оставался в строю.

3) Кадета Льва Клобукова, за то, что в бою под деревней Кандель при отражении атаки большевиков на удерживаемую позицию проявил личную храбрость и способствовал нашему переходу в наступление, причем в атаке был тяжело ранен.

4) Кадета Валериана Лампси, за то, что при отражении атаки большевиков на удерживаемую позицию, примером личной храбрости, способствовал отражению атаки и нашему переходу в наступление, во время которого был контужен.

5) Кадета Михаила Толмачева, за то, что участвуя в боях под деревней Кандель, при отражении атаки большевиков на удерживаемую позицию, проявил выдающуюся личную храбрость, чем способствовал отбитию атаки и нашему переходу в наступление, причем в бою был ранен.

Генерал-Лейтенант Геруа

Лейб-Гвардии Конная Артиллерия в Бородинском сражении

5-го марта 1812 г. Л.-Гв. Конная Артиллерия в составе двух восьмиорудийных батарей под командой полк. Козена, выступила в поход. 1-й батереей командовал кап. Захаров, 2-й — кап. Ралль 2.

По прибытии на театр военных действий, батареи, вместе с другими частями гвардии, составили 5-ый корпус под командой Цесаревича Константина Павловича. Корпус этот входил в состав 1-ой западной армии ген. Барклая-де-Толли. С этой армией батареи совершили отход до Бородина, причем боевое крещение получили в боях под Витебском, где 2-ая батарея своим огнем долго мешала противнику навести мост через Двину.

На Бородинской позиции, согласно диспозиции ген. Кутузова, батареи Л. Гв. Конной Артиллерии должны были находиться в общем артиллерийском резерве у д. Псареве под командой генерала Левенштерна. Однако, уже на рассвете 26 августа 2-ая батарея перешла к Кирасирской дивизии ген. Депреродовича, находившейся у д. Князьково, у Псарева же оставлена лишь 1-ая батарея.

Вечером 25 августа в батареях объявлено следующее предписание начальника артиллерии ген. гр. Кутайсова: «Подтвердить во всех ротах и батареях, чтобы они с позиции не снимались, пока неприятель не сядет верхом на пушки; сказать командирам и всем г.г. офицерам, что, отважно держась на самом близком картечном выстреле, можно только достигнуть того, чтобы неприятелю не уступить ни шагу нашей позиции; артиллерия должна жертвовать собой, пусть возьмут вас с орудиями, но последний картечный выстрел выпустите в упор и батарея, которая будет таким образом взята, нанесет неприятелю вред, вполне искупающий потерю орудий».

26. августа, около 8 часов утра, когда, после отбития второй атаки на Семеновские флеши, Наполеон посылает туда подкрепления, Кутузов направляет туда же части из резерва, в частности, бригаду ген. Бороздина 2-го из дивизии Депреродовича и полки: Кирасирские Его и Ее Величества и Астраханский кирасирский. С ними к Семеновским флешам направляется и находившаяся у Псарева 1-ая батарея. В строю батареи, кроме командира, находились

следующие офицеры: шт. кап. Бистром, поручик Гельмерсен, подпоручики: Гижитский, Дивов и Павлов.

Рысью, во взводной колонне, двинулся туда кап. Захаров и прибыл к левому флангу как раз тогда, когда французская пехота, направленная в промежуток между флешами и Утицким лесом, угрожала обходом.

Заметив в кустарниках обходящего неприятеля, Захаров построил фронт и без прикрытия понесся вперед, снялся на дистанции близкого картечного выстрела и открыл убийственный беглый огонь по выходящей из леса пехоте, которая, понеся большие потери, вынуждена была остановиться.

Тем временем находившийся при батарее полк. Козен подскакал к кирасирам, дабы ускорить их движение. После же прибытия последних батарея приняла вправо и вступила в бой с 30 орудиями, стоявшими против нее, причем батарея разделилась.

Шт. кап. Бистром с тремя орудиями занял возвышенность, дававшую возможность фланкирования неприятельской позиции, остальные же пять орудий поставили на интервалах в 50 шагов, дабы представлять меньшую цель. Мера эта оказалась чрезвычайно удачной, и, в то время как с батареи ясно были видны попадания Бистрома, у нас ни одно орудие не было подбито.

Зато потери в личном составе были большие.

Одним из первых пал молодой 19-летний подпрапор. Павлов, недавно определенный Цесаревичем Л. Гв. в Конную Артиллерию. Павлов, первый гвардейский артиллерист, павший на поле брани после убитого в 1695 г. под Азовым князя Федора Троекурова. Ранен подпор. Дивов.

Вскоре, расстреляв все комплекты снарядов и в ожидании прибытия второго эшелона зарядных ящиков, батарея отведена, по приказанию полк. Козена, назад. Захаров же поскакал к Бистрому, чтобы узнать нельзя ли усилить его одним или двумя орудиями.

«Ну, ребята, как вы тут живете-можете? Довольно ли у вас еще зарядов? Завидую счастью вашему! Вы можете еще сражаться за Царя и Отечество».

С этими словами обратился Захаров к солда-

там, и в это время ядро ударило в него и в близь стоявшего фейерверкера. Четыре канонира подняли его, чтобы нести на перевязочный пункт, но, претерпевая ужасные мучения, он приказал двум из них вернуться обратно.

«Подите туда, вы там нужны, а меня и двое как-нибудь доволокут».

Через четверть часа Захаров скончался, спрашивая «отступил ли неприятель»?

Так героически пал в бою первый командир первой батареи.

Около 11 час. батарею отвели в резерв, причем несколько орудий вывозились на одном уносе, а в зарядных ящиках было по одной лошади. Кроме офицеров батарея потеряла: 58 нижних чинов и 73 лошади.

Вторая батарея, как мы уже знаем, на рассвете 26 августа перешла к дивизии Депрерадовича и, после ухода к Семеновским флешам кирасир, осталась в резерве. В строю батареи, кроме командира, находились следующие офицеры: шт. кап. Столыпин, пор. бар. Вольф, подпор. бар. Корф, Бартоломей и Куприянов.

После полудня, когда, в связи с рейдом Платова и Уварова, на фронте наступило затишье, последний резерв Кутузова — полки: Преображенский, Семеновский, Кавалергарды и Конная Гвардия подведены были к батарее Раевского, и вместе с ними передвинута туда и батарея кап. Ралля.

Когда французские атаки возобновились и Коленкуру удалось ворваться с горжи на батарею Раевского, кирасиры его были оттуда выбиты и их преследовали части 2-го кавалерийского корпуса ген. адъют. Корфа. Особенно удачной была атака Псковских драгун и первому дивизиону 2-ой батареи приказано подержать кавалерию.

Выехав карьером вперед и снявшись на ближнюю картечь, дивизион открыл огонь, про который цолк. Козен писал, что «Тут ни одна картечная пуля даром не пропадала».

Продолжая движение вперед, войска наши наткнулись на неприятельскую пехоту и 12 ор. батарею. После короткого, жаркого боя, одолев Гв. конной батареи вынуждены были отступить, потеряв 23 нижних чина. Смертельно ранен кап. Ралль и убит пор. барон Вольф.

С трудом возвратился с дивизионом шт. кап. Столыпин, принужденный отходить по местности, почти совершенно занятой неприятелем. Ему удалось сохранить все орудия, несмотря на то, что в одном из них было разбито передковое колесо и поэтому номера тащили его, помогая лошадям, и вывезли на трех колесах. Два

зарядных ящика и один передок взорваны.

Почти одновременно французская кавалерия атаковала 7 пех. дивизию ген. Канцевича и ей удалось прорвать карэ 9-го Егерского полка.

«Я предвидел уже решение нашей участи», пишет ген. Барклай в своем донесении Государю, «и всю свою надежду полагал я на храбрую пехоту и артиллерию, сделавшиеся в этот день бессмертными».

Видя отход нашей пехоты, командир 2-го дивизиона 2-й батареи пор. бар. Корф, не ожидая приказаний, двинул свой дивизион вперед, прямо ей навстречу.

По его примеру и по его приказанию, солдаты махали руками и плетками, давая понять пехоте, чтобы она приняла в стороны, что при грохоте стрельбы криком сделать было невозможно.

Когда пехота очистила местность, неприятельская головная колонна была от дивизиона саженьях в 100, но после второй или третьей картечных очередей колонны как не бывало: на ее месте лежала гряда трупов. «Аж черно, да мокро» — вырвалось у солдат, когда дым рассеялся.

Вслед за пехотой двинулась кавалерия Груши. Ободренный успехом, бар. Корф намеревался точно таким же образом встретить эти войска, но Кавалергарды находились далеко, и, кроме того, между дивизионом и кавалергардами было возвышение. Несмотря на это, он встретил атакующего частым огнем. Однако, кавалерия дошла до орудий, их пришлось вывозить, номера не успели сесть на коней и бежали подле орудий.

Барон Корф вел дивизион прямо на Кавалергардский полк. Выскакав вперед, на возвышение, он крикнул командиру 1-го взвода лейб-эскадрона: «Башмаков, выручи орудия». Кавалергарды бросились вперед, за ними Конная Гвардия, и противник вынужден был остановиться и затем отходить.

Бар. Корф тяжело контужен, подпор. Бартоломей ранен. Кроме офицеров, батарея потеряла 49 нижн. чинов и 40 лошадей.

Таким образом, в Бородинском сражении пали смертью храбрых оба командира батарей. За все дальнейшее существование Л. Гв. конной артиллерии в бою пал лишь один командир.

8 сентября 1915 г. в бою под Телеханами убит ружейной пулей на наблюдательном пункте командир 5-ой батареи полковник Федор Владимирович Трепов.

В. Хитрово

Полковые нагрудные жетоны и знаки русской армии

В быте старой Русской Армии полк занимал большое место. Он был второй семьей для офицера, а часто и для солдата. «Однополчанин», термин, который говорил много. Однополчане были братьями и друзьями, связанными узами, зачастую, крепче семейных. Честь полка, честь мундира были понятиями глубоко засевшими в военной душе. Все многолетнее прошлое полка как бы являлось личным достоянием офицера, завещанным ему его предшественниками. Из полка переводились редко. В нем служили с первого офицерского чина до чина полковника. Уходя из полка, связи с ним не прерывали и оставались до смерти членами полковой семьи. В гвардейских полках служили от отца к сыну, от деда к внуку. Каждый полк имел свои предания, свои традиции, свое определенное лицо, которое накладывало на офицера известный отпечаток на всю жизнь. Все, что может дать светлого и хорошего человеческая душа, было с трогательной любовью обращено к полку.

На наших глазах отживает свой век русская военная эмиграция, последнее поколение Императорской Армии. Многие годы понятие «Наш Полк» поддерживало моральные силы бывших русских офицеров. В тяжелой борьбе за хлеб насущный полк являлся духовным убежищем, поддержкой для измученных жизнью, покрытых ранами старых офицеров. Памятью полка, любовным собиранием исторических матерьялов, относящихся к его прошлому, горели многие тысячи человеческих душ. Полковой работе были посвящены часы отдыха, на нее шли последние трудовые гроши. И детской радостью трепетали сердца перед каждой картинкой, каждым предметом, напоминавшим безвозвратно канувшее в вечность прошлое. Жили мечтой, верили, что произойдет чудо, что повернется назад колесо истории и что воскреснет старая Россия, а с ней и все ее старые полки.

Большая работа была проведена русской военной эмиграцией. Были созданы музеи, написаны капитальные исторические труды, памятки, издавались военные журналы, на ротаторе печатались полковые журналы. Все эти матерьялы, в свое время послужат большим подспорьем для историка. Полк продолжал жить, несмотря на революцию, крушение старой России, долгую жизнь вдали от родины, тяжелые условия существования бывших офицеров, обротившихся, большей частью, в пролетариев Западной Европы. «Игра в солдатики», скажут, пожав плечами, скептики... нет, не игра, а стремление удержаться на военной плоскости. Если

по одежде делались пролетариями, в душе оставались офицерами. В этом последняя заслуга полков.

И вот теперь полки умирают. Один за другим уходят из жизни одряхлевшие «однополчане». Последние их мысли обращены к полку. Их хоронят в сохранившихся мундирах, с полковыми знаками, часто знак этот украшает их могилы.

Ибо ярче всего символизировал полк его знак.

Теперь много собирателей полковых знаков Русской Армии, и не только русских... но, по нашему разумению, такое собрание будет только тогда полноценным, когда мы поймем, какую духовную ценность представляли из себя все эти «медяшки», на которые, буквально, молилось последнее поколение Русской Армии...

Вот почему наше введение и вот почему в нашем собрании знаков и жетонов, военных и гражданских (более 500) мы делаем все, что можем, чтобы установить, кому именно принадлежал каждый знак. Вместе со знаком желательнее сохранить и память о его владельце. Такое собрание не только коллекция, как, например, коллекция марок или монет, а «сокровищница», т. е. собрание реликвий.

Россия является родиной военных нагрудных медалей и она же, если не ошибаемся, основоположница полковым нагрудным знакам. В Германской и Австро-Венгерской армиях полковых знаков никогда не было, во Французской они появились только после войны 1914-18 гг. Только Английская армия давно уже носит на головных уборах свои медные «баджи».

Все почти в Русской Армии шло от Петра, ему же принадлежит идея создать для каждого полка особый символ. При нем положено начало полковым гербам, окончательно утвержденным при Императрице Анне Иоанновне. Гербы полковые изображались на знаменах, на полковых печатах, а иногда и на гренадерках.

Прямыми предшественниками полкового нагрудного знака были жетоны, которые сохранились и после введения знаков. Жетоны появились во второй половине XIX-го столетия. Это часто тончайшие произведения ювелирного искусства из серебра или золота, богато украшенные эмалью, той старой русской эмалью, художественность которой приводит современных ювелиров в изумление.

Было их несметное количество, утвержденных и неутвержденных. Все случаи военной жизни давали повод на чеканку жетона. Юби-

лей части, Шефа или какого-нибудь исторического события, выпуск кадетского корпуса или военного училища, память о том или ином командире, известный срок службы офицера в полку, и, наконец, просто подарок полку от Шефа, или Шефу от полка, офицеру или полковой даме. Чеканились они всегда в ограниченном количестве, почти всегда только для офицеров. Были и жетоны, существовавшие в единственном числе, т. е. предназначавшиеся только для одного лица. Общее число таких жетонов неисчислимо, и мы думаем, что восстановить полный их список совершенно невозможно.

Стметим некоторые из находящихся в нашем собрании или известных нам жетонов, почти всегда золотых. Жетоны данные Преображенским офицерам Великими Князьями Сергеем Александровичем и Константином Константиновичем в память их командования полком. Жетон, поднесенный л. гв. Преображенским полком Вел. Княгине Марии Павловне. Кавалергардские жетоны в память столетия полка и 25-летия Шефства Императрицы Марии Федоровны. Жетон 100-летнего юбилея сражения под Лейпцигом л. гв. Казачьего полка, золотые для генералов, серебряные для офицеров и бронзовые для казаков. Юбилейный жетон л. гв. Уланского Ее Вел. полка, принадлежавший принцу Наполеону, имя которого вырезано на ободке и его же юбилейный жетон 17-го драг. Нижегородского и 18-го драг. Северского полков. Жетон этот замечателен тем, что одна его сторона посвящена Нижегородцам, а другая Северцам. Этим оба полка пожелали подчеркнуть свое происхождение от одного корня. Жетон л. гв. артил. бригады, тончайшей ювелирной работы, жетон л. гв. Конной Артиллерии. Юбилейный жетон Николаевской Академии Ген. Штаба, принадлежавший ген. Озобишину; жетон Морского Корпуса адмирала Алексея и большое количество жетонов военных училищ и кадетских корпусов. Отметим также массивный золотой жетон поднесенный Вел. Княгине Елене Владимировне офицерами лин. кор. «Император Александр II».

Как общее правило, юбилейные жетоны частей утверждались Высочайше и ношение их было строго регламентировано. Утверждение их и описание публиковались в военной печати, что же касается жетонов, чеканившихся в частном порядке, то о них, конечно, никаких сведений не печаталось.

Наряду с жетонами, носившимися на цепочке или на булавке, немного позже стали появляться нагрудные знаки, носившиеся сначала на булавке, а потом на винте. Первым, как будто нагрудным знаком, по времени учреждения, был «Кавказский Крест» установленный Пр. в. м. 1864 г. № 192. Но это был в сущности «Знак

отличия за службу на Кавказе», продолжавший серию русских наградных медалей и крестов XIX-го века. В отличие от своих предшественников, наградных крестов XVIII-го и XIX-го веков, он носился не на ленте, а на булавке.

В 1866 г. появились знаки военных академий — Императорской Николаевской Военной, Михайловской Артиллерийской, Николаевской Инженерной, Александровской Военно-Юридической и Николаевской Морской. Первым знаком для особой воинской части был, как будто «Знак в память службы в Почетном Конвое Гвардейского отряда, в войну 1877-78 гг.», установленный 1 мая 1878 г.

С этого времени, все чаще и чаще, стали устанавливаться знаки для военно-учебных заведений и частей войск. Особенного развития они достигли после 1900 г., когда многие части праздновали свои 200-летние и 100-летние юбилеи. Интересно, однако, отметить, что в одно время делались попытки развитие его остановить. Так, в 1904 г. в приказе по Московскому Военному Округу № 156, мы читаем:

«В виду возбуждения некоторыми частями войск, учреждениями и заведениями Военного Ведомства ходатайств об установлении для них по разным случаям, — например, по поводу празднования юбилеев — особых нагрудных знаков с правом ношения таковых при всех формах одежды, ВЫСОЧАЙШЕ повелено: относительно разрешенных уже нагрудных знаков, в приказе по Военному Ведомству, не объявлять, а поступающие ходатайства об установлении новых таковых же знаков, отклонять».

Возможно, что это была реакция против слишком большого увлечения знаками и жетона, причем иногда «перебарщивали». Так в 1906 г. Артиллерийское Управление предписывало:

«На представляемых к Высочайшему утверждению жетонах для артиллерийских частей, которым исполняются 100 и 200-летние юбилеи, не должны быть помещены государственный и другие гербы, Андреевская звезда, Георгиевский крест и какие бы то ни было орденские знаки, медали и ленты. Жетоны не должны быть носимы на показ».

Предписание это, поскольку можно судить, осталось мертвой буквой. О том же, что действительно, иногда «перебарщивали», свидетельствует следующий приказ по Московскому Воен. Округу 1904 г. № 415:

«Воспрещается возбуждение ходатайств на принятие и ношение знака отличия Французского общества спасения на водах Верхнего Рейна».

Так или иначе, но был известный период «торможения», во время которого были выработаны правила о полковых знаках, полез-

ность которых не ставилась под сомнение. Полковые знаки армейских пехотных полков начали утверждаться только с 1907 г.

В истории знака, можно проследить несколько периодов. Рассмотрим их на примере знака Павловского Военного Училища. Знак этот был установлен в день 100-летнего юбилея училища (Пр. п. в. в. 1898 г. № 325), как знак «юбилейный» и право носить его было ограничено только теми, кто состоял в списках в день юбилея. Приказом п. в. в. 1899 г. № 29, право это было распространено на отставных генералов и всех Георгиевских кавалеров из числа бывших воспитанников. Только в 1907 г. знак этот был дан всем бывшим питомцам Павловских кад. корпуса и воен. училища, вышедших из них до дня юбилея. (Пр. п. в. в. № 190). Наконец, в 1909 г. право это было распространено на всех, бывших, настоящих и будущих воспитанников училища. (Пр. п. в. в. 1909 г. № 491). Таким образом, из юбилейного знак сделался постоянным.

В то же время, полковые знаки, бывшие до этого только офицерскими, стали даваться также и нижн. чинам. Об этом свидетельствует Предписание Главн. Штаба 1909 г. № 818:

«Вследствие поступающих дополнительных ходатайств о распространении на нижн. чинов права ношения нагрудных знаков, первоначально Высочайше утвержденных лишь для офицеров и чиновников той или другой части, представляется необходимым в испрошении на сие лишний раз Высочайшего соизволения, а потому, в устранение сего, указано, что впредь частям войск надлежит входить с ходатайствами об утверждении проектов нагрудных знаков в совершенно законченном виде».

Циркуляр Гл. Штаба 1912 г. № 16 подтверждал «установление нагрудных знаков для нижн. чинов тех войсковых частей, в коих были учреждены нагрудные знаки только для офицеров и классных чиновников, причем эти нагрудные знаки должны изготовляться по образцу офицерских, но из малоценных металлов и без эмали».

Итак, первоначально, юбилейный знак, установленный только для офицеров, числившихся в части в день юбилея, стал полковым постоянным знаком для всех чинов части.

Отношение Гл. Штаба 1911 г. № 92, уточняя все эти положения:

«Государь Император, в день 21 декабря 1910 г. Всемилостивейше повелеть соизволил: В целях установления постоянного воспоминания в частях войск о вековой их службе, присвоить существующим уже нагрудным юбилейным знакам наименование полковых нагрудных знаков и предоставить право их ношения всем офицерам, классным и нижним чинам, поступившим на службу в части войск после празд-

нования ими юбилеев и имеющим поступать впредь. В соответствии с сим установить, что право ношения имеющих быть впредь учрежденными полковых нагрудных знаков должно быть предоставлено всем офицерским и классным чинам, служившим в частях войск до празднования юбилея и всем офицерским, классным и нижним чинам, числившимся в списках части войск в день юбилея и поступающим на службу после такового. При этом Высочайше повелено, что приобретение знаков для нижн. чинов должно зависеть от усмотрения частей войск и производиться на средства этих частей, без всяких расходов казны».

6 марта 1911 г. последовало Высочайшее соизволение на распространение этих положений на чинов всех, вообще, штабов, управлений, заведений и учреждений военного ведомства и добавлено, что впредь сохранено название «полковые» только за нагрудными знаками исключительно полков, все же прочие должны именоваться «нагрудными».

Происхождение полкового знака от юбилейного ограничило число частей, получивших знаки, только теми, которые насчитывали по меньшей мере 100 лет существования. Полки, отдельные батальоны и батареи, не дожившие до 100-летнего юбилея, знаков не имели. Но, как видно, правило это было не без исключений. Для многих молодых, резервных полков, уже после их расформирования в 1910 г., в 1913 г. были установлены полковые знаки.

К 1914 г., почти все первоочередные полки, насчитывавшие более 100 лет существования, имели полковые знаки, но были и части, которые знаками обзавестись не успели или не пожелали, так в гвардейской кавалерии полковых знаков не имели полки Кавалергардский, Конный, Гусарский Его Величества и Уланский Ее Величества. Отметим, что некоторые полки, как, например, л. гв. Павловский и Финляндский, пожелали иметь общий знак для офицеров и солдат.

Все знаки представлялись на Высочайшее утверждение и на право их ношения обыкновенно выдавалось удостоверение, подписанное командиром части.

Знаки носились на правой или на левой стороне груди. На правой: академические, свитские, офицерских школ и некоторые юбилейные, на левой: корпусные, училищные и полковые. Знак был на винте, проходившем в сделанное для этого на мундире отверстие, и завинчивался гайкой. Между знаком и гайкой помещался иногда металлический кружок, на котором стояло фабричное клеймо, а иногда была и выгравирована фамилия владельца. В некоторых частях офицерские знаки были нумерованы.

Рисунки знаков отличались большим разно-

образом, каждый из них олицетворял свою часть. Помещенные на нем атрибуты напоминали историческое прошлое полка или батареи. Можно сказать, что, когда рассматриваешь все эти знаки, перед глазами встает вся военная история России Императорского периода.

Было два основных типа фона, на котором строился знак: венок из дубовых и лавровых листьев и крест. Кресты были Андреевские, Георгиевские, Измайльские, Базарджикские, Очаковские, Мальгийские, Кавказские, Греческие, Ополченские, прусские железные, польские Виртути Милитари и др.

Старые полки часто помещали на знаках свои полковые гербы, а те, которые таких гербов не имели, гербы губерний или городов, имя которых они носили. Почти на всех гренадерских знаках имеется граната. Нередко на знаках помещался русский герб — двуглавый орел, — образца, современного основанию полка. Иногда на них фигурировали знаки отличия, заслуженные полком, как-то: Георгиевский крест или лента цветов ордена, трубы, знак отличия на головные уборы. Как общее правило, на всех почти знаках стояли года основания части и юбилея, вензеля Императора основателя и того, при котором был установлен знак. Были знаки высокохудожественные по исполнению и глубокие по замыслу, были, конечно, и менее удачные.

Очень типичны и исторически выдержаны были знаки гвардейских пехотных полков. Полковой знак Преображенского полка точно воспроизводил собственноручно установленный Императором Петром проект знака отличия за Полтавское сражение. Увенчивающий корону крест, заменен был на нем ушком, т. к. в 1709 г. предполагалось знак носить на ленте. Семеновский и Измайловский полки взяли атрибуты, фигурировавшие на их первых знаменах. Семеновцы — белый крест с мечом, точно такой, какой находился наверху, у древка, на полотнище первого полкового знамени. На этот крест прибавлены были только вензеля Императоров Петра I и Николая II. Измайловцы — золотой вензель Императрицы Анны, положенный на скрещенные букву «I» (Императрица) и цифру «I» (Первая), обе синей эмали, т. е. точный рисунок первого полкового знамени, к которому добавили год основания «1730» и вензель Государя. Егерский полк покрыл себя славой в Кульмском сражении, за которое все русские бойцы были награждены прусским Кульмским крестом, похожим на «железный крест»; он был взят полковым знаком и на него были крестообразно положены вензеля Императора Павла I и Николая II.

Московский полк — на Андреевском синем кресте, символе Петровской Гвардии, (полк был сформирован из батальона Преображен-

цев), серебряный Георгий Победоносец на коне, т. е. герб Москвы. Гренадерский полк взял польский крест «Виртути Милитари», которым в 1831 г. были награждены все чины полка за штурм Варшавы. Павловский, слава которого родилась на полях Прейсиш-Эйлау, Прейсиш-Эйлауский крест. Финляндский — на ополченском кресте, напоминавшем формирование полка из ополченцев царских вотчин, — русский орел, рисунок которого взят с первой полковой печати. Литовский — киверный герб времен основания полка, имевший на груди щит с гербом Литвы. Кексгольмский — крест особого рисунка, копия креста, находившегося на братской могиле полка Петровских времен. С. Петербургский, так называемый «Прусский» полк — прусский железный крест, а на нем русский орел времен Екатерины I-й, с вензелем Государственной Основательницы и Государя и год основания «1726». Волынский, как происходивший от Финляндского, взял тот же ополченский крест, но поместил на нем свой киверный герб 1817 г. с гербом Волыни.

Стрелки, 1-й и 2-й полки, как не дожившие до столетия, знаков не имели, а имели жетоны. 4-й полк, Императорской Фамилии, тоже молодой, нагрудного знака не имел, но носил на шапке Ополченский Крест времен своего основания с вензелем Николая Павловича и особым девизом «За Веру и Царя».

Только 3-й полк имел полковой знак, Георгиевский серебряный крест, напоминавший, что в полку всегда служило много кавалеров этого ордена и что, по этой причине, ему было дано Георгиевское знамя. На кресте — русский орел времен Императора Павла и на груди его на малиновом щите, — белый Мальтийский крест.

Наряду с полковыми знаками во многих из этих полков были еще знаки особые и юбилейные. Преображенский полк имел знак за службу в 1-м батальоне, когда им командовал, будучи Наследником, Государь; особые знаки имели также Павловский, Литовский и Волынский полки; юбилейные: Гренадерский, Кексгольмский и Волынский.

Следуя приблизительно таким же принципам, устанавливались и знаки других гвардейских частей, армейских пехотных и кавалерийских, а также артиллерийских батарей. Отметим, что армейские артиллерийские бригады знаков не имели, а гвардейские имели. Вот те из них, которые немного отступают от принятых форм и отличаются своей оригинальностью:

л. гв. Атаманский — киверный герб 1831 г.

л. гв. Сводно-Казачий — два пернача, под короной.

Собств. Е. В. Конвой — вороненый щит, а на нем меч защищающий корону.

- 5-й гренад. Киевский — сер. 8-и конечная звезда, а на ней герб полка.
- 102-й пех. Вятский полк — якорь под короной, а на нем царские вензеля.
- 180-й пех. Виндавский п. — щит с Виндавским гербом, а над ним орел.
- 2-й драг. Псковский — французский крест Почетного Легиона.
- 8-й драг. Астраханский и 10-й драг. Новгородский — кираса, в воспоминание кирасирского прошлого этих полков.
- 13-й драг. Военного Ордена — звезда ордена св. Георгия.
- 3-й гус. Елисаветградский — гусарская ташка.
- 17-й гус. Черниговский — копье Георгиевского штандарта.
- л. гв. Драгунский — имевший шефом В. Кн. Владимира Александровича — вензель Великого Князя, обвитый Владимирской лентой, впрочем знак этот был не полковым, а юбилейным.
- л. гв. Саперный полк — копию памятника, воздвигнутого его подвигам Императором Николаем I-м.
- 2-я конная батарея — портрет ген. Ермолова. Оригинален был и знак 11-й конной батареи, составленный только из знаков отличия части (ленты и труба).

Такие чисто кавказские полки, как Эриванский гренадерский и Нижегородский драгунский, взяли полковым знаком Кавказский крест, снабдив его юбилейными датами и соответствующими вензелями. Суворовские полки, Фанагорийский и Суздальский поместили на свои знаки изображения Генералиссимуса, первый, в виде барельефа, а второй — миниатюрного портрета.

Перновский гренадерский и 2-й кадетский корпус взяли для фона знаков углы своих знамен. Прославленный подвигом Архипа Осипова, 77-й пех. Тенгинский полк поместил на знаке изображение подвига и слова героя: «Братцы, помните мое дело».

Тут место упомянуть о девизах и изречениях, помещенных на знаки и жетоны. Их очень мало: должно быть, сказалась нелюбовь русского человека к «громким словесам». Вот что мы нашли: «За Веру, Царя и Отечество» (Ополчение), «За Веру и Верность» (л. гв. Преображенский п.), «За Веру и Царя» (л. гв. 4-й стр. п.), «Помните, чье имя носите» (л. гв. Уланский Его Вел. п.), «Трудами моими создал я вас» (1-я бат. л. гв. 1-й арт. бр.), «Умрем, но не сдадимся» (30-й пех. Полтавский п.), «Чести моей никому не отдам» (1-й Финл. стр. п.), «Пять против тридцати» (5 гр. Киевский и 17-й гус. Черниговский п.), «Нижегородец не знает заката» (17-й драг. Нижегородский п.), «К высокому и светлому знай верный путь. Виленец один в поле и тот воин» (Виленск. Воен. Учил.), «Бой-

ся Бога, чти Царя, уважай власти, люби братии» (1-й Моск. кад. кс.), «Один за всех, все за одного» (5-я Моск. Школа прапорщиков).

На некоторых знаках помещены известного рода загадки, так на знаках 5-й батареи 14-й арт. бр., 4-й батареи 17-й Арт. бр., 56-го пех. Житомирского полка стоит цифра «349» — это число дней славной Севастопольской обороны. Знак Елисаветградского Кавалерийского училища покоится на странной фигуре, которая означает «Николай Николаевич друг Елисаветградца».

Интересно отметить особенности знаков казачьих войск, кои следуют из приказа по Сибирскому Войску 1912 г. № 69:

«Право ношения знака предоставлено всем офицерам, военным врачам, классным чиновникам, военному духовенству и нижним чинам, служившим в войске до дня юбилея, в день юбилея и после такого на службу поступающим. Каждой части Сибирского войска представляется право ходатайствовать о дополнении знака включением деталей, надписей, эмблем и пр. характеризующих особенности службы данной войсковой части».

Всего не перечестъ.

После революции 1917 г., некоторые знаки вышли из чеканки лишенные корон, скипетров, держав и царских вензелей. На других, на скорую руку, они были замены красными флагами. Уродливые явления уродливой эпохи.

Следует вспомнить, наконец, и мастеров, создателей всех этих знаков. Самым известным и самым, пожалуй, художественным был Кортман. Кортмановские знаки особенно ценились. Сразу за ним шел Эдуард, известный специалист по выделке российских орденов. Даже сам знаменитый Фаберже не отказывался иногда делать знаки. В нашем собрании есть один из его знаков. Было много и других, разбросанных по всем углам необъятной России. Назовем тех, кто увековечил свои имена на некоторых знаках нашего собрания:

Вундер, делавший и пуговицы для армии, Соколов, Бок, Арнд, Генрих, Юргенс — в Петербурге, Маршак — в Киеве, Липчанский и Кнедлер — в Варшаве, Илясеналпс — в Вильне, Пахман — в Одессе, Брук и Степанов в Тифлисе, Фейгельсон... и т. д.

Несмотря на строгую регламентацию знакам, в них, при разных чеканках, появлялись различия: так в нашем собрании есть 6 разных, по размеру и деталям рисунка, знаков Николаевского Кавалерийского училища, 4 разных знака Павловского Военного училища, 5 разных ополченских крестов л. гв. 4-го стр. полка. Существует много разных по чеканке, виду и размерам знаков Николаевской Академии Ген. Штаба, причем в нашем собрании есть знаки тонкой ручной ювелирной работы.

Были Пажеские знаки с чеканенными вензелями и с вензелями накладными, тоже можно сказать и о знаках Александровского Военного Училища. Есть знаки л. гв. Кексгольмского полка и плоские и выпуклые.

Интересно упомянуть и цены знакам. Знак 12-го драг. Стародубовского полка стоил: бронзовый 10 р., серебряный позолоченный 12 р., золотой 25 р. Знак 11-го драг. Рижского полка: серебряный, с позолоч. частями 20 р., серебряный с золотыми частями: 35 р., жетон Одесского кадетского корпуса: серебряный 8 р., золотой 22 р.

В статье, посвященной знакам, было бы несправедливо не упомянуть о самом большом их собирателе за границей, Павле Васильевиче Пашкове, авторе солидной монографии о русских нагрудных знаках, оставшейся, к несчастью, в виде рукописи.

В настоящей статье мы затронули, в общих

только чертах, большей частью полковые знаки, но были и другие, которые могли носить военные, а именно: знаки гражданских учебных заведений, академические, университетские, Красного Креста, Духовных братств, благотворительных обществ; были и знаки военные, предназначавшиеся для всей армии, как-то: знаки за отличную стрельбу, личные знаки для нижних чинов, Императорские вензеля, знаки для разведчиков, для запасных нижних чинов, знаки отличия беспорочной службы, особые знаки и жетоны, дававшиеся многим, как то: 500-летия русской артиллерии, 50-летия покорения Восточного Кавказа, 50-летия Генерал-Фельдцейхмейстера артиллерии, и т. д. и т. д.

С. Андоленко

Автор покупает военные и гражданские знаки и жетоны старой России.

Русские артиллеристы

КАРТИНКИ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

Русская артиллерия веками выработала свой особый взгляд на свое служение в рядах вооруженных сил России. Она выработала свои артиллерийские традиции, свой уклад жизни, свой тип взаимоотношений и даже не только среди офицеров, но и среди солдат-артиллеристов. Русская артиллерия — это особый мирок среди общего мира Российских Вооруженных Сил.

Но дал ли этот мирок что-либо особо полезное и славное для всей Армии? Мы думаем, что — да. Но нам могут сказать, что «грешная каша сама себя хвалит». А что говорят другие? Пехота? Конница? Казаки? Еще недавно (впрочем, уж не так недавно, 60-70 лет тому назад) артиллерию ругали во всю: у них де и «шкура толста», они де и «штрипок не носят», они де «резиновые калоши надевают», они де «штатские» и «фармазоны»... Но эти разговоры шли (и печатались) в тот бесславный век, когда Русская армия переживала «Плевны» и подготавлила «Ляояны» и «Мукдены».

А что было раньше, в век Державного Бомбардира, в век Екатерининских орлов, Суворовских Чудо-Богатырей и «нашествия галлов

и с ними двенадцати языков»?

Недавно мне довелось прочитать рапорт Главнокомандующему, Князю Голенищеву-Кутузову Смоленскому, генерала от кавалерии Войска Донского Атамана графа Платова о действиях вверенного ему корпуса с 13 октября 1812 г. по 6 января 1813 г. За это время корпус Платова имел свыше 26 сражений и захватил 540 пушек, 30 знамен и штандартов и более 70.000 пленных, в том числе более 4.000 офицеров и 40 генералов. В огромном рапорте, в кратких выражениях, но чрезвычайно красочно, описан ход всего Платовского похода от Москвы до Данцига. При этом, подвиги русской артиллерии и фамилии артиллерийских начальников не сходят со страниц рапорта.

При упоминании первого же дела (13 октября), отмечаются двое особо отличившихся, из них полковник Кайсаров — артиллерист.

19 октября, тот же Кайсаров, командуя шестью орудиями, прикрываемыми егерями, составляет центр боевого порядка и снова упомянут отличившимся (в числе трех имен).

В последующие дни, противник (корпус Даву), спешно отходит, пытаясь где-либо задер-

жаться, но, «будучи всегда опрокинут искусным действием артиллерии нашей, бывшей под командой храброго полковника Кайсарова, не находит себе нигде пощады».

22 октября Платов доходит до Вязьмы, где объединились в обороне корпуса Мюрата, Нея и Даву. «Егеря приспели к неприятелю поспешно, имея за собой орудия, вступили в дело и заняли высоту, владычествующую над Вязьмой». Французы перешли в наступление, «но открывшиеся батареи наши мгновенно привели неприятеля в замешательство... всюду поражаемые, обратились в бегство... Вязьма занята».

27 октября одержана победа на реке Вопь и захвачено 23 орудия. «При сем случае, командовавший шестью орудиями... войсковой старшина Кирпичев искусным и скорым действием сбил неприятельскую батарею, на противной стороне реки Вопь бывшую, и тем много способствовал к оставлению неприятелем вышеупомянутых 23-х орудий».

28 октября, «при занятии Зеленихи неприятель был опять поражен действием орудий Донской Конной артиллерии и егерями 20-го полка, под начальством известного полковника Кайсарова, где в бою взято им 2 орудия и более тысячи человек».

Дальше, «до самого Смоленска неприятель тесним был с флангов донскими полками, но в авангарде полковник Кайсаров, с егерями и артиллерией, на всяком шагу выбивал его из позиций и деревень... и поражал столь сильно и упорно, что, вытеснив его ночью из укрепления, бывшего в трех верстах впереди форштадта (предместья Смоленска), отняв последние орудия, допустил едва тысяче человек...» отойти в город.

В начавшемся большом сражении за Смоленск, Кайсаров с артиллерией, егерями и ка-

зачными стрелками играет огромную роль. Он первым атакует в авангарде, нанося удары на оба фланга противника, а в центре оставляя одну артиллерию, ведет огонь по различным целям и т. д. В заключение, когда противник устремился (бежал), чтобы укрыться за крепостными воротами, то артиллерия наша уже оказалась «на возвышениях у самого форштадта» и «его истребляла».

После Смоленска полковник Кайсаров командует уже «сильным отрядом», к которому присоединяются четыре пехотных полка. Он умудряется несколько раз обогнать главные силы неприятеля и загораживать ему пути отхода... Но это уже не артиллерия, а артиллерист, возглавивший значительные силы из всех родов войск.

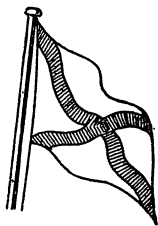
Наконец, последние крупные бои у Почуленки (на Немане). Здесь выдвигается другой артиллерист, генерал князь Кудашев. В первый день он командует, и весьма удачно, массивной артиллерией. Затем, на артиллерийский участок подходят три кавалерийских полка: Житомирский и Арзамасский драгунские и Ольвиопольский гусарский, и князь Кудашев, «командуя оными», «напал» на противника и «истребил в один час».

Таково свидетельство об артиллерии и артиллеристах времен Отечественной войны со стороны славнейшего кавалериста и казака того времени.

Дух, предприимчивость и твердость артиллерии той эпохи сохранились и до времен Первой Мировой и гражданской войн. Этого духа не понимали, над ним смеялись в эпоху упадка. Но его опять поняли в наши дни, то есть 50 лет тому назад.

Б. Н. Сергеевский

У Высокой Горы

В ноябре 1904 года из шести рот морского десанта, свезенных на берег с шести эскадренных броненосцев Порт-Артурской эскадры, оставалось в распоряжении Штаба Крепости только три роты: Пересветская, Полтавская и Севастопольская.

После наступления японцев на редуты № 1 и № 2 в августе месяце, Пересветская рота получила со своего корабля пополнение своих потерь и снова была в составе 300 штыков при трех офицерах.

К этому времени состав пехотных рот уменьшился до 50-60 человек, так что, командуя Пересветской ротой, я чувствовал себя в положении командира батальона. Это обстоятельство и спасло мою роту от неминуемой гибели на Высокой Горе.

Эта гора, высотой в 203 метра, с двумя холмами на вершине, находилась в западной части линии обороны крепости, представлявшей большую равнину, позволявшую обстреливать гору как с суши, так и с моря. Японцы упорно обстреливали вершину горы и атаковали ее днем и ночью, чтобы занять этот важный стратегический пункт.

С Высокой Горы западный бассейн гавани, часть укреплений и часть города, были, как на ладони, и можно было бы очень удобно корректировать стрельбу 11-тидвоймовых гаубиц по броненосцам и крейсерам, находившимся в гавани. Цель же неприятеля была всегда — уничтожение флота.

Обороной крепости руководил генерал Р. И. Кондратенко, получивший образование в двух Академиях: Генерального Штаба и Военно-Инженерной. Он обладал высокими качествами начальника: не поддаваться панике и в самых трудных условиях спокойно давать нужные распоряжения. Такой авторитет и личное влияние и привели к тому, что генерала Кондратенко называли «Душа обороны Порт-Артура».

В тревожные дни и ночи ноября месяца генерал находился в казарме 5-го Стрелкового полка, расположенной у подошвы Высокой Горы. На вершине же ее, окутанной громадным облаком дыма от разрывающихся снарядов, шли бои за обладание ею.

Комендант ее, полковник Ирман, находился в телефонной связи с генералом и держал его в курсе дел. Надо было все время посылать подкрепления, которых уже не хватало, надо было снимать солдат с позиции, чтобы послать их на Высокую Гору, откуда никто не возвращался иначе, как на носилках.

Пересветская рота уже три месяца находилась в распоряжении генерала Горбатовского, начальника Восточной части обороны крепости. Эта часть обороны была гористая, очень удобная как для обороны, так и для наступления. Я и мои матросы применились к ней, с успехом выполняли свою роль «роты резерва 3-го боевого участка» и заслужили одобрение начальства в форме обращения к нам при встрече на передовой позиции. Так, например, генерал-адъютант Стессель здоровался с ротой: «Здорово, вышибалы», потому что мы несколько раз выбивали японцев из занятых ими наших укреплений.

В одно холодное ноябрьское утро, совершенно неожиданно, пришло приказание: «Срочно идти к Высокой Горе в распоряжение генерала Кондратенко». Я понял, что это конец, что это значит — неизбежная смерть.

Оставив роту во дворе казарм, я пошел со своими офицерами в Штаб. Мы встретили несколько носилок, на одних лежали части тела убитого лейтенанта Лаврова, покрытые его пальто, а на других — лейтенант Петров, ране-

ный в голову. У него был поврежден в мозгу центр, заведующий криком. Несчастный офицер безостановочно кричал, будучи без сознания. Вообще, безотрадная картина. У моих офицеров были напряженные лица и воспаленные глаза, они чувствовали, как и я.

Приемная, большая комната, стол и скамейки. Сели и ждем, когда меня позвонят в кабинет генерала. Изредка звонит телефон, за дверью слышны заглушенные голоса.

Наконец дверь открылась, и меня позвали. За столом сидел генерал Кондратенко, а около него стоял капитан 2-го ранга Опацкий, начальник морского десанта.

«Ваше Превосходительство, вот мичман Максимов, командир Пересветской десантной роты», — представил меня Опацкий.

С приветливой улыбкой генерал обратился ко мне: «Какого состава ваша рота?»

«310 штыков при трех офицерах, Ваше Превосходительство», — ответил я.

«Гм, это очень много», как бы про себя сказал генерал. Потом, обратясь к капитану 2-го ранга Опацкому, добавил: «Жаль такую боевую роту потерять сразу». Вдруг зазвонил телефон.

Генерал взял трубку и стал спокойно отвечать. Я слышал слова: «Да... Наступление... где... на 3-й боевой участок... хорошо... так и сделайте».

Генерал Кондратенко повернулся ко мне и сказал: «Генерал Горбатовский просит вернуть вашу роту, у него началось наступление, а резерва нет. Спешите, если можете, иногда бегом. Правда, что далеко, почти 10 верст. Ну, с Богом», и быстро протянул руку.

Я откланялся и, скрывая свою радость, вышел в приемную комнату.

Мои офицеры, мичман В. Витгефт (сын убитого на броненосце «Цесаревич» адмирала Витгефта) и прапорщик по морской части И. Семенов, видя мой серьезный вид, решили, что нас посылают на Высокую Гору.

«В ружье, направо, на плечо, шагом марш». Без шума, мрачно, рота двинулась вперед к горе.

Когда мы подошли к шоссе, я неожиданно для всех скомандовал: «Правое плечо, кругом, марш», и повел роту обратно на восток.

Представьте себе, какая произошла перемена: общая радость, веселые лица и бодрый шаг.

Н. Максимов

«Выставили ...»

Да, для кадета это слово не радостное, хотя на языке начальства звучит мягче, но никак не утешительно: «уволить на попечение родителей». Ну, и уволили на попечение родителей, уже мертвых, с пожеланием счастливо и радостно провести Рождество.

Как же ехать к любимой сестре с такой радостной вестью?

В юной голове выставленного родились мрачные мысли и вдруг яркая идея осветила душевный мрак: поеду не домой, а к Нему! — другого выхода и спасения нет. И поехал я в Петербург найти Его Императорское Высочество и пожаловаться на несправедливость начальства.

Приехал в Петербург рано утром, не зная ни громадного города, ни адреса Великого Князя. Но иногда человеку везет, так повезло и мне: на пероне топчется кадетская фигура со штыком. Подхожу ближе — Первого корпуса, козыряю и по-кадетски на ты: «Скажи мне, пожалуйста, дружище, где живет Великий Князь Константин Константинович?» «Как же ты не знаешь? А зачем тебе к Нему?» «Да вот, брат, выставили, я и приехал пожаловаться — несправедливо, на самое Рождество!» «Да, получилось неаккуратно, да ты, брат, спеши, а то Его Императорское Высочество если поедет в Управление, до Него не доберешься. Поезжай в Мраморный дворец».

«Спасибо, товарищ, выручил».

Быстро, по его указанию, дошел до дворца, попробовал дверь — открыта. Вошел и нарвался на строгую фигуру в каком-то особенном одеянии. Слышу строгий вопрос:

«Вам что нужно, кадет?»

«Доложите Его Императорскому Высочеству, что кадет Орловского корпуса просит принять».

«Их Императорское Высочество принимает в Управлении. — Идите туда!»

«А вы бы спросили?»...

«Нам не полагается докладывать Его Высочеству, уходите»...

В это время из какой-то двери выбегает штаб-офицерская фигура. Увидев меня, делает гневное лицо и тихим, шипящим голосом спрашивает: «Почему вы здесь и что вам надо?»

«Жду Его Императорское Высочество, господин полковник».

«Потрудитесь сейчас же удалиться, Великому Князю не до вас, скорей!»

«Так что, г-н полковник, Его Императорскому Высочеству не до меня, но мне то до Него!»

«Кадет, приказание два раза не отдается».

До моего слуха донеслись быстрые шаги и звон шпор по лестнице.

Господин полковник, зверски посмотрев на меня, крикнул строгой фигуре: «скорей шинель», хотел что-то сказать и мне, но в этот момент появилась величественная фигура Великого Князя.

Увидя меня, Князь приостановился и, строго посмотрев, спросил: «Что ты здесь делаешь, золотник?» — так меня прозвал Великий Князь, когда впервые увидел меня в корпусе.

«Выставили, Ваше Императорское Высочество!»

«За что?»

«За шпаргалство, Ваше Императорское Высочество, а я не шпаргаллил».

Великий Князь подошел вплотную ко мне.

«Так ты говоришь, что не шпаргаллил, а ну, посмотри мне в глаза?»

Задрал голову и, стараясь не моргнуть, я смотрел в эти добрые испытующие глаза, закусив губу, и какой-то туман начал застилать глаза — видимо слезы. Я почувствовал, что мне на плечо мягко опустилась рука, и я услышал добрый отечески-ласковый голос:

«Верю, золотник, поезжай домой праздновать Рождество, а вас прошу напомнить мне сегодня же написать директору Орловского Бахтина корпуса мою просьбу дать возможность кадету М. окончить корпус».

«Покорнейше благодарю Ваше Императорское Высочество», и быстрее пули я вылетел из дворца.

Прожив много лет и живя еще, я не забыл и не забуду до последнего дня эти добрые глаза и этот мягкий голос.

А. М.

Миниатюры прошлого

С первых же дней войны 1914 г. в Восточной Пруссии от № 2 эскадрона Лейб-Драгун был затребован офицерский разъезд в 15 коней. Начальником разъезда назначен корнет А. М. Янковский. Пройдя наше сторожевое охранение, разъезд стал углубляться в территорию врага. При подходе к одному из фольварков, головной дозор неожиданно был обстрелян. Разъезд остановился и начальник разъезда выехал вперед осмотреться. Навстречу из дозора широким галопом неся с обалделым видом, драгун Смирнов.

— Ваше Высокоблагородие, стреляют...

— Я и сам слышу, на то мы и на войне, а не на маневрах в Красном Селе, — сказал Янковский. — А скажи-ка мне лучше, где твоя фуражка?

— Так что, когда начали стрелять, я стал тикать и фуражка упала.

— Сегодня ты мне теряешь фуражку, а завтра потеряешь винтовку или пику... Сейчас же поднять, — строго сказал начальник разъезда.

— Ваше Высокоблагородие, невозможно: немцы будут опять стрелять, — взмолился бледный от страха Смирнов.

— Ах, раз невозможно и ты боишься, то ты поедешь со мною вместе и мы найдем и подыщем твою фуражку, — и тут же приказал взводному отвести разъезд за стог сена, спешиться и ждать своего возвращения.

Просвистело несколько пуль, но отданное приказание было исполнено, фуражка найдена, и разъезд продолжал выполнять поставленную задачу.

Много времени спустя, Янковский, вспоминая это, говорил мне, что столь незначительный, но безусловно поучительный случай в самом начале войны, да еще для необстреленных лейб-драгун, имел положительный результат и создал веселое настроение, дав повод к остроумам и солдатским шуткам, которые сыпались на голову перепуганного Смирнова.

Время шло. Война затягивалась, и как-то, в эскадрон, пришло требование назначить хорошо грамотного драгуна в команду телефонистов. Старый вахмистр-подпрапорщик умолял

командира эскадрона отправить Смирнова. — «Ваше Высокоблагородие, ведь он весь эскадрон нам портит, вечно набивает лошадей, всего боится, негодный он совсем солдат для строя...» — Итак, Смирнов с этого дня стал телефонистом.

Для дальнейшего повествования здесь уместно дать характеристику корнета Александра Михайловича Янковского. Он был офицер моего эскадрона, я его хорошо знал и ценил, как старшего своего товарища. Кадет Александровского корпуса, в 1912 г. окончил Николаевское кавалерийское училище, вышел в наш полк; всегда подтянутый, строгий и требовательный офицер; всю войну провел в строю. Прекрасный, неустрашимый в боевой обстановке. Люди ему верили и спокойно шли за ним, зная, что отданное приказание должно быть всегда точно исполнено.

Настал 1917 год, когда все идеалы, во что мы верили, ради которых служили и воевали, были повергнуты во прах предательской волей новых правителей. Подыгрываясь под низкие инстинкты толпы, они погубили и разложили еще недавно могучую, многомиллионную Императорскую Армию, а с нею вместе и Россию. В полках появились комитеты, цель которых была развалить и уничтожить армию, подорвав веру солдат в офицеров. Все средства для этого были хороши: подлость, клевета, шантаж, а местами и убийство — все бросалось на весы для достижения этой мерзкой и предательской цели. Тяжелые, полные трагизма дни переживал офицер на фронте в те жестокие времена.

Старые кавалерийские полки, сохранив частично свои кадры, в силу традиций и внутренней спайки, еще долго сопротивлялись развалу в общем бушующем море, но зараза постепенно стала проникать и в их ряды. В полковые и эскадронные комитеты стали проникать самые отрицательные и худшие элементы из солдатской среды, и вот председателем эскадронного комитета становится нам уже знакомый Смирнов.

Как из рога изобилия сыпятся нелепые обвинения на офицеров; не забыт, конечно, был и Янковский, теперь уже на третьем году войны произведенный в штаб-ротмистра: «Что важнее — жизнь солдата или казенная фуражка?» — восклицал Смирнов на митинге, выставляя себя как «жертву старого режима».

Однажды, в июле месяце, Янковский, как старший офицер, остался временно за командира эскадрона, уехавшего в отпуск. Днем приходит старый вахмистр и смущенно докладывает: «Ваше Высокоблагородие, как бы не вышло что-нибудь нехорошее; Смирнов все мутит людей против вас и господ». Янковский был не из тех, кого можно было легко запугать: «Хорошо. После уборки лошадей задержите людей, я сам поговорю с эскадроном».

Люди были построены. Янковский просил меня пойти вместе. Поздоровавшись, он приказал стоять «вольно» и, обратившись к эскадрону, сказал:

— Вы все знаете, что одна паршивая овца все стадо портит; так и у нас, один-два негодных солдата портят мне весь эскадрон. Я уже пять лет служу в полку и никогда не покидал эскадрона, — все старые драгуны знают меня по мирному времени и за годы войны, и я всегда говорил вам правду. Так знайте и теперь, что в комитеты попали самые негодные и трусливые солдаты. Они все теперь в тылу, и на фронте вы их никогда не увидите, они все прячутся за вашей спиной».

— А это правильно сказали... — послышались глухие слова в задней шеренге.

— Так знайте, комитетчики, — продолжал Янковский и подошел вплотную к Смирнову, стоявшему на левом фланге. — Я не потерплю

больше гадостей и вранья, которые распространяются против меня и наших господ, — покраснев от волнения и нервно ударяя себя по голенищу сапога камышевым стэком, строго сказал: Помните-же — я лично расправлюсь с болтунами... а теперь разойтись...

На следующее утро, как всегда, вахмистр пришел с докладом и на вопрос временно-командующего эскадроном:

— Ну что нового у нас? — ответил:

— Так что, Ваше Высокоблагородие, вчера после вашего разговора люди весь вечер спорили и помяли даже одного комитетчика.

— То есть как помяли?

— Да так, комитетчик пристал к Морозову, что второго взвода, да и говорит ему: — «Ты за господ теперь стоишь, потому что штаб-ротмистр тебя прошлое лето к Георгию представил» и хотел сорвать с него крест, да тогда Морозов ему два раза в морду дал, и люди с трудом их розняли. Теперь комитетчики серчают против него, надо что-нибудь сделать.

— Хорошо, — сказал Янковский. — Принесите мне сейчас же билет на подпись. Морозов сегодня же уедет в Петербург в командировку по хозяйственным делам.

Жизнь в эскадроне успокоилась и временно все вошло в норму, чему благоприятствовал уход полка на позицию, где близкий разрыв неприятельского снаряда сразу восстановил авторитет офицера, заставляя забыть нелепые постановления комитетчиков, которые все, прикрывшись своей миссией «народных избранных» остались в глубоком тылу, при коноводах и обозе.

Д. Де Витт.

Из прошлого Елисаветградских гусар

В Штутгардте, в дворцовой библиотеке, хранится альбом, поднесенный нашей делегацией во главе с полковником Винбергом 1-го июля 1871 года Королеве Вюртембергской Ольге Николаевне по случаю исполнившегося 25-летия (1845-1870) со дня назначения Ее Величества шефом полка. Альбом содержит в себе заглавный лист с акварельным рисунком художника-баталиста А. Шарлемана «Бой у с. Тур 8 июля 1849 года» и пять раскрашенных фотографических снимков: 1) молебн перед полком, 2) штандартный унтер-офицер на сером коне, 3) 15 офицеров 1-го дивизиона, 4) 14 офицеров 2-го дивизиона и 5) полк в парадной форме, в конном строю. На офицерских группах, под каждым офицером подписаны его чин и фамилия. По краям видны штаб-трубач и три вахмистра.

Бывший командир нашего полка генерал-от-кавалерии Винберг — прожил долгую жизнь. В то время, когда наш полк в 1913 году находился в Красном Селе, приехал к нам однажды полковник Л. гв. уланского Ее Величества полка Винберг. По поручению своего отца он передал нам его привет у кроме того, 300 рублей на угощение гусар. Когда во время обеда пили за здоровье отца и его, в ответной речи полк. Винберг сказал, что он родился в то время, когда его отец командовал нашим полком, а полк стоял в городе Золотоноше Полтавской губернии; в его кругу он впервые познал радость бытия, а потому считает его своим родным полком. Мы еще раз выпили за его здоровье и просили передать генералу Винбергу нашу благодарность за оказанное полку внимание.

В 1885 году наша полковая депутация, возглавляемая командиром полка полковником Вонлярлярским, в Штургардте поднесла шефу полка Королеве Ольге залотой полковой жетон и знак за 40-летнюю беспорочную службу, в золотом венке на георгиевской ленте римскими цифрами 40. Этот жетон хранился с вещами покойной Королевы в витрине. На витрине стояли часы, поднесенные в 1888 году бывшему командиру полка генералу Вонлярлярскому и после его смерти заветанные полку. В 12 часов часы играли наш полковой марш.

Старшие офицеры полка нам молодым корнетам рассказывали о жизни полка. Особенно часто вспоминали полковника Норда, который командовал полком с 1888 по 1894 год. Его происхождение было не совсем обыкновенное. При Императоре Павле I, в 1799 году русские войска участвовали в так называемой экспедиции Бергенской, в Голландии, против французов. Во время этой экспедиции скончался от ран генерал Жеребцов. Его вдова, замечательная красавица, была родной сестрой графов Валериана и Платона Зубовых. После смерти мужа, Ольга Александровна Жеребцова поселилась в Англии, где у нее завязался роман с Принцем Уэльским, будущим Королем Георгом III. Когда у нее родился сын, ему дали имя Георг, а фамилию — Норд и большие средства. Полковник Норд был один из его сыновей и назывался по-русски Виктор Егорович. Он начал свою службу в Л. гв. Гусарском Его Величества полку и вначале тоже имел хорошие средства, но имел неосторожность поручиться за одного из своих однополчан князя Лобанова-Ростовского и потом до самой смерти не мог разделаться с долгами.

Отец полк. Норда Егор Егорович был российским консулом в Персии и скончался в Гиляне от черной оспы. Тело его, по персидскому обычаю было положено в гроб в мундире со всеми орденами, на которых было бриллиантов на 4.000 рублей, кроме того, в его гроб, как любителя охоты, было положено ружье и все охотничьи принадлежности — ценою более 400 рублей. Гроб был перевезен в Россию и предан земле в Царском Селе на кладбище церкви Казанской Божией Матери.

Летом 1889 года была командирована в Штутгардт депутация в составе: командира полка полковника Норда, командира шефского эскадрона ротмистра Де-Тельса, полкового адъютанта поручика князя Урусова и вахмистра Мирошниченко, для принесения поздравления по случаю исполнившегося 25-летия царствования Короля Вюртембергского Карла, который уже с 1861 года числился в списках нашего полка. По прибытии в г. Штутгардт депутации отвели помещение в лучшей гостинице неподалеку от дворца. После представления Королю и

Королеве депутация присутствовала 25 июня на большом параде, в котором участвовали все вюртембергские войска, в том числе и 25 драгунский Королевы Ольги полк. По окончании смотра, Королева спросила у ротмистра Де-Тельса: «Не правда ли, славные лошади у моих драгун?». На это ротмистр Де-Тельс ответил: «у гусар Вашего Величества ни одной такой нет, все лучше».

Затем был во дворце парадный обед, на котором присутствовал Император Германский Вильгельм II и наш Наследник Цесаревич Великий Князь Николай Александрович. Вахмистр Мирошниченко обедал с вюртембергскими вахмистрами и унтер-офицерами. Перед обедом полк. Норд насыпал ему в карманы новеньких серебряных монет. Мирошниченко был громадным мужчиной, весом 7 пудов. После обеда подняли его на ура и стали качать, а он стал разбрасывать серебряные монеты. Многие бросились поднимать их и чуть было не уронили его. Если бы это случилось, то он мог бы кого-нибудь задавить своей тяжестью. Перед отъездом всем участвовавшим в депутации были пожалованы вюртембергские ордена и медали.

Про полковника Норда говорили, что он все время ожидал большого наследства из Англии, но так и не дождался. Когда после его смерти распродавали его вещи, то некоторые были куплены офицерами нашего полка. У полковника Норда было много прекрасных портретов, как например, портрет его бабушки Ольги Александровны Жеребцовой в молодости, исполненный масляными красками, а также чудный портрет самого Норда в детстве и много других портретов и картин. По словам старших офицеров, полковник Норд был отличный строевой командир полка, строгий, но не злопамятный. Иногда он разносил провинившегося офицера, а потом добавлял: «В наказание вы должны придти со мной пообедать». Будучи одиноким, он всю свою любовь перенес на офицеров. Мечтал, что, когда получит наследство, выйдет в отставку, построит себе хороший дом и будет принимать у себя своих офицеров. Как уже сказано, этой мечте не пришлось осуществиться. В 1894 году он скончался и был погребен на кладбище г. Мариамполя. Офицеры и нижние чины его очень любили. Ему приписывали фразу: «Терпеть не могу людей, которые не курят, не пьют и не играют в карты — у них всегда есть какой-нибудь тайный порок».

В полку полковника Норда любили и гордились им, как лихим командиром полка. Привожу рассказ со слов старших офицеров об одном из смотров: летом 1892 года около г. Ковно на, так называемом, Линковом поле. В тот же день командующий войсками Виленского военного округа генерал Ганецкий произвел

поверочную мобилизацию 109-го пехотного Волжского полка, а накануне послал телеграмму, чтобы и наш полк прибыл из Вилькомира в Ковно. Надо было пройти 65 верст, а кроме того около г. Яново переправиться на пароме, на что потребовалась целая ночь, так как паром мог поднять одновременно не больше полу-взвода. Тем не менее, полк, идя переменным аллюром, прибыл в лес на краю Линкова поля, пообчистился от пыли и ровно к 8 часам утра, как было приказано, развернулся галопом перед командующим войсками. Генерал Ганецкий, любивший эффектные смотры, был в восторге и сказал про Елисаветградцев: «Они одеты как юнкера, даже белые перчатки со-

хранили свою чистоту». После короткого, но лихого учения командующий войсками поблагодарил драгун и расцеловал командира полка полковника Норда.

Полковник Норд возглавлял депутацию, которая возложила венок от полка на гроб нашего Шефа в г. Штутгардте 4 ноября 1892 года.

По словам нашей депутации, на похоронах Королевы Ольги чувствовалась искренняя печаль не только среди многочисленных депутатов, но и у жителей Штутгардта.

И казалось, что само небо в этот день льет слезы вместе с жителями Штутгардта по своей любимой Королеве Ольге.

Полк. А. Рябинин

К статье П. Волошина „РУССКИЕ ВОЕННЫЕ ОРКЕСТРЫ“

С появлением статьи П. Волошина «Русские военные оркестры», я получил несколько писем, в которых мои корреспонденты выражали удивление и свое несогласие с некоторыми выводами автора, в особенности в части, касавшейся доминировавшего, по его мнению, влияния французской военной музыки в наших оркестрах. Являясь инициатором выпуска нашей «военной истории в звуках», я считаю своим долгом высказать и мое мнение.

Не собираясь углубляться в зачаточный период и постепенное развитие истории военной музыки, которого я попросту не знаю, я вместе с тем совершенно не могу согласиться с П. Волошиным в вопросе о том, что до войны 1914 года, наша военная музыка, подразумеваемая под таковой, военные марши, притекала к нам не столько из Германии, сколько из Франции (!?). Мне кажется, что в этом кроется глубокое заблуждение автора статьи. И он, как и я и как многие наши еще живые сверстники-кадеты, немало с юных лет «потрубили» маршей в наших кадетских оркестрах. Наконец, после многих лет школьной скамьи в корпусах и училищах, одев офицерские погоны и служа в разных частях разного рода оружия, в нашей старой Императорской армии, оказались «слуша-

телями» тех многочисленных маршей, которые звучали по всей необъятной нашей Родине, в исполнении своих полковых оркестров.

На основании этого, я прошу автора статьи назвать из «большинства притекавших из Франции маршей», хотя бы пять, исполнявшихся у нас, под которые мы маршировали. Со своей стороны, я позволю себе утверждать, что таковых пяти не было. Передо мною три тома партитур 189-ти маршей сборника «Полковых и исторических маршей Российской Армии», издания О. фон-Фреймана. Приведенное в сборнике количество маршей далеко не достигает числа игравшихся у нас и, вместе с тем, я не могу найти в нем ни одного французского марша.

Я помню многие немецкие марши, которые и сам играл и которые наверное вспомнят мои сверстники, как и сам автор статьи: Триумф, Граф Цеппелин, Воздушный флот (Тейке), Старые друзья (Тейке), Габсбургский, Александровский 1820 года, Иоркширский, Гротхен, Улей. Из австрийских помню: Под двуглавым орлом, Вена-Вена, Солдатская кровь (Блона), Дитя полка (Фучика), Выход гладиаторов (его-же) и т. д. Единственный французский марш, который я помню, был Лотарингия (Ганна). Этот

марш в 1912 году был допущен в число 12 маршей, игравшихся во время церемониального марша в Высочайшем присутствии. Его проигрывали впервые на параде 10 июля 1914 года, открыв им церемониальный марш в честь присутствовавшего Президента Французской Республики Р. Пуанкаре. Но спросите любого бывшего юнкера Павловского или Владимирского училищ, проходивших тогда первыми, каждый из них вам ответит, что более «неудобного и неритмичного марша» они не запомнят. Я сам, в полку, когда его вели в 1912 году, на субботних репетициях к параду, ходил и «мучился», ибо этот марш, перевитый сплошными триолями, для нашей Российской пехоты был совершенно неритмичен и неотчетлив.

Далее, автор статьи утверждает, что наши оркестры имели «несколько вариантов в смысле своего состава». Тут я прошу автора уточнить, о ком и о чем идет речь. Мне кажется, что если мы говорим о военной музыке, то под таковой надлежит понимать исключительно исполнение мелодий, предусмотренных Строевым Уставом (марши, сигналы и пр.). Нельзя же к военной музыке причислить, например, исключительный состав симфонического оркестра лейб-гв. Гренадерского полка как и некоторым, немногим другим! Военного в них было только то, что все музыканты сидели в мундирах, а не во фраках, но маршировать под такой оркестр никогда никому не приходилось. Поэтому такой оркестр «военным» нельзя считать. Поэтому никаких «вариантов» быть не могло.

Приказ по Военному Ведомству за № 21 1876 года, с дополнением к нему от 4 июня 1911 года, за № 7978 допускал два единственные варианта: 1) в каждом пехотном полку содержать музыкантский хор из 54 человек и 2) в полках, имеющих хоры музыки с медными инструментами, иметь состав их в 35 человек.

Также наименование «полковых оркестров» в пехоте приводится автором неправильно. Таковые именовались «хором музыкантов», как в кавалерии — «хором трубачей».

Далее, желательнее исправить маленькую неточность: маститый старший капельмейстер Московского Военного Округа Крейнбринг, всегда открывавший ежегодные Инвалидные концерты в Москве Народным Гимном, имея под своим управлением прекрасный оркестр Александровского военного училища и, одновременно, два раза в неделю занимаясь с оркестром 2-го Московского к. к., в 1902 году свое место в Большом Театре, на концерте, как и в корпусе, передал, не менее тогда известному, капельмейстеру 1-го гусарского Сумского полка Августу Карловичу Маркварту. Трубачи этого полка, вплоть до Великой войны, выступали в положенных операх, в Большом Театре. А. К. Маркварта до сих пор я вспоминаю только доб-

ром, несмотря на то, что не один раз его дирижерская палочка прогулялась по моей кадетской голове за малейшую фальш.

Мне, вообще, повезло в учителях музыки, ибо, до перевода меня в 2-й Московский корпус, мою «военную музыку» я начал под руководством тоже небезызвестного оперного дирижера Московского Большого Театра Александра Николаевича Феодорова, бывшего одновременно капельмейстером хора музыкантов Гренадерского саперного батальона, в Москве.

С чем совершенно невозможно согласиться с автором статьи, это с тем, что полковые марши являлись ни чем иным как «продукцией комитета при Главном Штабе». Якобы последний составлял и предписывал полкам принять «свой полковой марш» (?). Конечно, ничего подобного не было. В течение двух лет, выпуская диски с маршами, мне, частично, удалось ознакомиться с тем, кто являлся автором марша того или иного полка, или с историей его принятия полком. Приходится убедиться, что много полковых маршей являются произведениями офицеров тех-же полков (Семеновцы, Харьковские уланы, Украинские и Нежинские гусары и др.). Марш Киевских гусар — сочинение М. И. Глинки. Многие марши приняты из опер: «Жизнь за Царя» (лейб-гв. Сводно-Казачий), «Руслан и Людмила», «Кармен», «Белая Дама», «Норма», балет «Конек-Горбунук» и пр. Немало полков имеют марши из мелодий немецких опереток, другие полки из мелодий народных или казачьих песен. Некоторые полки имеют один и тот же по своему «родству» на основании их зарождения, при формировании из более старых полков и т. д. Например, драгуны Военного Ордена, Одесские уланы и Конная Артиллерия имеют немецкий марш Фридриха Великого, как награду, связанную с боевой историей этих частей.

Из вышеприведенных очень скудных примеров уже достаточно можно убедиться, что наши полковые марши не являлись «продукцией комитета при Главном Штабе», да этим последний, по своему назначению, заниматься и не мог. Всем известно, что каждый полковой марш всегда Высочайше утверждался и таковое одобрение объявлялось Главным Штабом в Приказе по Военному Ведомству, что только и являлось неотъемлемой функцией последнего, в области военной музыки.

Кое-кому, может быть, покажется, что вопрос, затронутый автором статьи «Русские военные оркестры» маловажный и малоинтересный. Но тогда, почему надо считать обязательным и необходимым составлять всевозможные исторические справки о каком-либо эпизоде

боя, о фабрикации русского оружия, о происхождении орденов и нагрудных знаков и, вообще, о многом другом, непосредственно связанном с нашей старой доблестной Императорской Армией? Почему-же не попытаться также восстановить историю наших полковых маршей, тем более, что П. Волошин затронул очень серьезный вопрос, который, как мне кажется, он трактует совершенно неправильно и, с исторической точки зрения, не в пользу, а во вред тому, что было у нас и чего, как раз в обратном смысле, многие из нас являются последними живыми свидетелями.

Чтобы осветить этот вопрос, я надеюсь, что редакция «Военной Были» даст место на своих страницах показаниям старых офицеров всех родов оружия, которые дадут возможно подробные сведения о времени, с которого существует марш их части, кто был его автором, почему марш был утвержден, является-ли он маршем еще какой-либо другой воинской части и т. п.

Я полагаю, что сведения эти явятся ценнейшим вкладом в историю нашей Императорской Армии.

А. Скрабин

Хроника «Военной Были»

ГЕНЕРАЛ М. М. ПЛЕШКОВ

В 1913 году я прибыл в Ковель принимать 13 конную батарею, командиром которой я был назначен. В это время, 7-ая кавалерийская дивизия была собрана под этим городом и ей предстоял смотр Начальника дивизии ген. Плешкова — полкам и 7-му конно-артиллерийскому дивизиону. У нас в дивизионе положение осложнялось тем, что в 14-ую батарею тоже приехал новый командир батареи и ни он, ни я никогда еще не выезжали перед строем своих батарей; к тому-же Командир дивизиона заболел, и представлять дивизион приходилось мне. От предложения «подрепетировать» я уклонился.

Обдумав положение вещей, я решил показать ряд перестроений с открытием огня на четыре стороны. Это известный трюк, когда начальству трудно разглядеть шероховатости. Эффектным финалом являлся выезд карьером на позицию, о котором генерал М. И. Драгомиров отзывался так: «более дивно поэтического момента, как выезд конной батареи на позицию, я в военной службе не знаю». А старый вахмистр давал наставление солдатам: «когда конная батарея идет карьером, то колеса должны касаться земли только из вежливости».

Смотр начался. Уже после первых перестроений раздался сигнал «коноводы» (благодарность), а после выезда на позицию, ген. Плешков подскочил к дивизиону и горячо поблагодарил за учение.

После этого дивизион вытянулся в походную колонну, направляясь домой. «Песенники вперед»... Я обратился к старшему офицеру моей батареи: «а батареи-то обучены отлично»,

на что получил ответ: «Так-то оно так, но прими во внимание влияние на солдат генерала Плешкова... Каждому хотелось показаться молодцом. Это не наигранная популярность, когда солдаты называют генерала — Михайло Михайлыч». Тут мы услышали радостное «рады стараться» — это Начальник дивизии обогнал галопом колонну и благодарил солдат. Обогнав песенников, он скомандовал «мою!», и запевало начал: «Ехал на ярмарку ухарь купец»...

Три года я прослужил под командой этого генерала. Три года он умел обращать свои смотры в праздник.

Вне службы, у себя дома, его супруга и он сам отличались исключительным радушием и одинаково гостеприимно встречали каждого, будь то корнет или генерал. Эта неподдельная любовь, которой пользовался генерал, выявилась однажды в тосте одного из командиров полков дивизии: «господа, сказал он, среди нас наш всеми любимый начальник дивизии генерал Плешков, Михаил Михайлович, но, к сожалению, наш вечер не могла посетить его супруга глубокоуважаемая Мария Антоновна, с которой мы все в таких близких, интимных отношениях». Все замерли, но вот раздался голос Михаила Михайловича: «а я и не знал!» Хохот покрыл этот искренний, но неудачно составленный тост.

В Великую войну, ген. Плешков командовал героическим 1-м Сибирским корпусом, спасшим в 1915 г. Варшаву, и грудь его украсилась орденом Св. Георгия 4-ой ст. Сын его кирасир Ее Величества прославил свое имя, как выдающийся спортсмен.

А. Левицкий

ОТ РЕДАКЦИИ

В № 58 «Военной Были» в некрологе полковника Бассен-Шпиллера нужно исправить досадную опечатку. Произведен в офицеры из Елисаветградского кавалерийского училища в 1912 году, а не в 1918, как напечатано.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

С 1 января представителем «Военной Были» на восточные штаты Северной Америки является исключительно полковник С. А. Кашкин — P.O.B. 58 Bellerose 26, L.Y., N.Y. U.S.A.

К нему и следует обращаться по всем делам, касающимся подписки на журнал и продажи отдельных номеров и годовых комплектов.

К СТАТЬЕ С. АНДОЛЕНКО «ЗАБЫТЫЕ ОТЛИЧИЯ»

В своем весьма интересном перечне «Забытых отличий», С. Андоленко упоминает надпись: «1741 NO 25», установленную в 1910 году на знаках офицеров роты Его Величества Л.-Гв. Преображенского полка. Следует однако уточнить, что надпись эта была: «1741. NO. 25» и что установлена она была впервые на знаках офицеров Кейб-Компании, отчисленной от Л.-Гв. Преображенского полка Именным указом 31-го декабря 1741 года.

Тогда надпись эта заменила собой бывшую дотоле на обер-офицерских знаках надпись: «1700 NO. 19», установленную Царем Петром Алексеевичем в воздаяние мужества, оказанного в бою под Нарвою. Следует отметить, что до установления этой надписи офицерские нагрудные знаки не почитались знаками отличия, но служили для обозначения офицерского достоинства и чина, и что установлением этой надписи Царь Петр Алексеевич создал совершенно новую, присущую одной лишь Российской армии, награду — офицерский нагрудный знак отличия.

Евгений Молло

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ В. Н. ЗВЕГИНЦОВА «СМЕРТЬ ПОЛКА»

Только что пришел № 57 «Военной Были» и я прочел в нем статью В. Н. Звегинцова «Смерть полка». Мне хочется высказать все

волнение, которое я испытал, переживая этот трагический эпизод, закончивший славное бытие Кавалергардов. И, хоть сердце обливается кровью, была и радость на душе, ибо в этой спайке всех чинов полка, в этой верности кавалергардов своим офицерам было много красоты.

Хорошо, что такие картины запечатлеваются на страницах нашего военного журнала. Как мы читали «Слово о Полку Игоре», про битву при Кресси и пр., так кто-либо из Россиян, когда-либо, а может быть и очень скоро, познакомится с трагической но полной красоты страницей бытия славнейшего полка.

Конст. Розеншильд фон-Паулин

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В ответ на письмо полк. И. Рубец, могу сообщить, что сведения о формировании 49-го драг. Архангелогородского п., взяты из Справочной Книжки Имп. Главной Квартиры. «Кавалерия», изд. 2-е. 1909 г. На стр. 32 этого издания, значит:

«1895 г. Сент. 12. Сформирован из 6-и эскадронов, выделенных по одному из 16-го, 13-го, 10-го, 11-го, 9-го и 14-го драгунских полков — 49-й драгунский Архангелогородский полк».

В 1895 г. драг. Военного Ордена полк носил № 37 и только в 1907 г. получил № 13. В хронике Орденского полка, стр. 44 того же издания, нет никакого упоминания о выделении эскадрона в Архангелогор. полк.

Видно, что и к официальным изданиям Имп. Главн. Квартиры следует относиться весьма осторожно, т. к. Архангелогородский полк в действительности был сформирован не из эскадронов 16, 13, 10, 11, 9 и 14 драгунских полков, а из эскадронов выделенных из 43, 37, 28, 31, 25 и 40-го полков.

Впрочем это совершенно не меняет сущности моего ответа на утверждение что серебряные трубы за Берлин перешли в Архангелогородский полк с эскадроном полка Военного Ордена. 7 серебряных труб, с надписью «Архангелогородского Драгунского, поспешностью и храбростью взятие города Берлина Сент. 28 1760 года», переданы были не из Орденского полка, а из 2-го драг. С.П.Б. полка (Выс. Пр. 11 окт. 1895 г.). Трубы эти были пожалованы Архангелогородекому карабинерному полку, соединенному в 1775 г. с СПб карабинерным.

С. Андоленко

Материалы к библиографии Русской Военной печати за рубежом

(Продолжение)

СПИСОК КНИГ РУССКОЙ МОРСКОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ БИБЛИОТЕКИ

«Морской Журнал», издававшийся в Праге, под редакцией лейт. М. С. Стахевича, завел с 1930 г. регистрацию всех книг, написанных офицерами флота на морские темы, сведя их в «Русскую Зарубежную Морскую Библиотеку».

Выходили книги в самых разнообразных странах, городах и издательствах, но книги все были объединены одним — принадлежностью автора к морской семье. С 1930 года, почти всегда, авторы или издатели запрашивали у Стахевича заранее о своем номере, который и проставлялся на книге.

1922 год:

1. — Г. К. ГРАФ — На «Новике», изд. Мюнхен 1922 г., 480 стр. с ил.
2. — Ген. ГОЛОВИН и адм. БУБНОВ — Тихоокеанская проблема в XX столетии. Прага 1924 г. 292 стр. 5 схем в красках.

1926 год:

3. — С. С. ФАБРИЦКИЙ — Из прошлого. Воспоминания флигель адъютанта Императора Николая II. Берлин 1926 г. 162 стр.

1928 год:

4. — Б. Л. СЕДЕРГОЛЬМ — В стране НЭПА и ЧЕКА напечатана только на французском и английском языках.
5. — Кап. 1-го ранга ШУЛЬЦ — С Большим Флотом. 1915-1918 на французском языке.
6. — Кап. 2-го ранга Н. МОНАСТЫРЕВ — В Черном море. 1912-1920 на французском языке. 18 ил. изд. в Париже у Пайо 1928 г. 247 стр.
7. — Е. В. ТАРУССКИЙ — Экипаж «Одиссеи». Роман с илл. Пэма. Париж 1928 г. 188 стр.

1929 год:

8. — Г. Ф. ЦИВИНСКИЙ — 50 лет в Императорском Флоте. Рига 1929 г. 371 стр. больш. форм. с многочис. илл.
9. — ЛУИ ГИШАР и ДМИТРИЙ НОВИК — Под Андреевским флагом на франц. языке. Предисловие Поль Шака, изд. Париж 1929 г. Тайландия.

1930 год:

10. — Г. К. ГРАФ — Моряки (очерки из жизни морских офицеров). Париж 1930 г. 272 стр.
11. — «ФЛАГ АДМИРАЛА», сборник составил бар. В. А. Вреде. 16 морских рассказов А' А. Гефтера, А. П. Лукина, С.

С. Политовского и Б. Л. Седерхольма. Изд. Рига 1930 г. 239 стр.

12. — А. Г. НИДЕРМИЛЛЕР — От Севастополя до Цусимы. (Русский флот 1866-1906 г.г.) изд. Рига 1930 г. 140 стр.

13. — «С ЭСКАДРОЙ РОЖДЕСТВЕНСКОГО». Сборник статей, посвященных 25-летию похода 2-й эскадры Тихого океана. Статьи: Г. К. Графа, А. П. Гезехуса, К. К. Клапье де Колонга, С. А. Посохова, А. А. Транзе, В. А. Штенгера, В. Б. и А. Д. изд. Прага 149 стр.

14. — Князь Я. К. ТУМАНОВ — Мичмана на войне. Поход на эск. брон. «Орел» в составе 2-й эскадры в 1904-1905 г.г. Издание автора при посредстве «Морского Журнала», Прага 1930 г. 238 стр.

15. — Н. А. МОНАСТЫРЕВ — Нам унтегунг дер Царенфлоте. Берлин 1930 г. на немецком языке 238 стр.

16. — М. И. СМЕРНОВ — Контр-адмирал Колчак. Издание Военно-Морского Союза. Париж 1930 г. 60 стр.

17. — Б. П. АПРЕЛЕВ — Брызги моря. Морские рассказы. Издание автора при посредстве «Морского Журнала». Прага 1931 г. 76 стр.

18. — А. В. ЗЕРНИН — Балтийцы. 14 морских рассказов. Издание Военно-Морского Союза. Париж 1931 г. 158 стр.

19. — Кап. 1-го ранга В. В. БЕРГ — Последние гардемарины. Издание Военно-Морского Союза. Париж 1931 г. 158 стр.

20. — Сергей ТЕРЕЩЕНКО (Дмитрий Новик) — Русско-Японская война на море. Перевод с русского на французский кап. да Фрегат Пелле-Делоржа, изд. Париж Пайо 1939 г. 520 стр., 34 схемы, 39 илл.

1932 год:

21. — А. А. ГЕФТЕР — В море корабли. 19 морских рассказов. Издание Военно-Морского Союза. Париж 1932 г. 159 стр.

22. — Н. А. МОНАСТЫРЕВ и С. К. ТЕРЕЩЕНКО — История русского флота на французском языке. Перевод лейт. Жана Персо.

23. — М. О. фон-КУБЕ — С полуночи случай. 5 морских рассказов. Издание автора при посредстве «Морского Журнала». Прага 1932 г. 72 стр.

24. — Н. МОНАСТЫРЕВ — На трех морях на французском языке. Перевод лейт.

Жана Персо. Изд. Тунис 1932 г. 190 стр.

1933 год:

25. — В. Н. ДАВИДОВИЧ-НАЩИНСКИЙ — Воспоминания старого моряка. Изд. София 37 и 11 стр.
26. — Б. П. АПРЕЛЕВ — кап. 2-го р. — Нелзя забыть. Изд. Шанхай 1933 г. 114 стр. с портретом и картой. 69 ил.
27. — М. С. СТАХЕВИЧ — Полярная экспедиция лейтенанта Колчака в 1903 году. Доклад, прочитанный 8 февраля 1933 года в Праге. Изд. Прага 1933 г.
28. — А. П. ЛУКИН — Флот 34 морских рассказа, часть 1-ая, 189 стр. Изд. Париж. стр., 69 иллюстр.
29. — А. П. ЛУКИН — Флот 22 морских рассказа, част. 2-ая. Париж 1931 г. 191 стр.

1934 год:

30. — Б. П. АПРЕЛЕВ — Нашей смене. Исторические очерки. С 29 рис. кап. 2-го ранга С. А. Четверикова и 29-же фотографиями. Изд. «Слово», Шанхай 1934 г., 300 стр.
31. — В. П. ШМИТТ, кап. 1-го ранга — Адмирал С. О. Макаров. Нью-Йорк 1934 г. 32 стр. с 10 иллюстр.
32. — Б. П. АПРЕЛЕВ — Исторические очерки. Выпуск 1-й. Шанхай 1934 г. Изд. Малык и Камкин 24 фотографии.
33. — Б. П. АПРЕЛЕВ — На «Варяга», изд. «Слово», Шанхай 1934 г. 315 стр. со мн. иллюстр. и с рис. С. А. Четверикова.
34. — Б. Л. СЕДЕРГОЛЬМ — В разбойничьем стане (Три года в стране концессий и Чека) 1923-1926. Изд. Рига 1934 г., изд. Форгача, 317 стр.

1935 год:

35. — Н. МОНАСТЫРЕВ — Подводный корабль на французском и итальянском языке. Нувель Эдисон Латин, Париж.
36. — Б. Я. ИЛЬВОВ — Рокот моря. 7 морских рассказов. Шанхай, 141 стр.
37. — Б. П. АПРЕЛЕВ — Исторические очерки. Выпуск II. Изд. Шанхай, Камкин и Малык, 214 стр. с иллюстр.
38. — Б. Я. ИЛЬВОВ — Летучий голландец. Морские рассказы. Шанхай 1935 г., 160 стр.
39. — Н. Н. КНОРРИНГ — Сфаят. Очерки из жизни Морского корпуса в Бизерте. 204 стр., изд. Париж.

1936 год:

40. — М. Ю. ГОРДЕНЕВ — Морские обычаи, традиции и торжественные церемонии Российского Императорского флота. Морское Издательство при кают-компании Русских морских офицеров в

Сан-Франциско. Издано при содействии «Морского Журнала», 1937 г., 222 стр. со многими иллюстр. и таблицами.

41. — В. Р. ШЕН — Ауф Каперкурс, по-немецки. Изд. Ульшштейн, Берлин.
42. — М. О. фон-КУБЕ — Дела давно минувших дней. 11 морских рассказов. Морское Издательство в Сан-Франциско. 250 стр.
43. — В. Н. ДАВИДОВИЧ-НАЩИНСКИЙ — Воспоминания старого моряка, части 2, 3 и 4 (Эти три части имеют № 25, также как и часть 1-ая, так что № 43, по видимому, является свободным).

1937 год:

44. — М. Г. ГАРШИН — Королева Эллинов Ольга Константиновна. Изд. кают-компании в Праге. Декабрь 1937 г. 48 стр. с портретом и генеалогической таблицей.
45. — Г. К. ГРАФ — сведения не опубликованы.
46. — Б. Я. ИЛЬВОВ — Морская даль. Шанхай 1937 г. 161 стр. 12 морских рассказов.
47. — А. А. ГЕФТЕР — «Мояна». Морские рассказы. Изд. «Филин», Рига 1937 г.
48. — Н. МОНАСТЫРЕВ — Грумант. Известный Шпицберген. На борту «Фуко», в 1935 году по-французски, Изд. Пуатье, Париж, 80 стр.
49. — Б. Я. ИЛЬВОВ — Смерч (продолжение «Урагана»). Изд. «Слово», Шанхай 1937 г. 222 стр.
51. — В. М. ЛИНДЕН — Шквал. Изд. кают-компании в Праге. Апрель 1937 г. с портретом автора. Прага, 24 стр.
52. — Одиссея Российского Императорского Флота. Сборник исторических статей и рассказов о прошлом Русского Флота.

1938 год:

53. — Н. Н. ЛИШИН — На Каспийском море. Год Белой Борьбы. Изд. «Морского Журнала», Ревель 1938 г. 181 стр., 5 иллюстр.

1939 год:

54. — Д. В. НИКИТИН (Фокагитов) — На берегу и в море. 19 рассказов. Морское Издательство при кают-компании в Сан-Франциско. Тип. «Слово», Шанхай, 266 стр., 12 иллюстр.
55. — Н. А. МОНАСТЫРЕВ — Северные ви-тязи.
56. — А. А. ГЕФТЕР — Секретный курьер. Роман. Париж 1938 г. 284 стр.

(Продолжение следует)

Алексей Геринг

Принимается подписка на 1963 год на ежемесячную военно-национальную газету

« ВЕСТНИК »

Издание Обще-Кадетского Объединения под редакцией А. А. Геринга

Тринадцатый год издания

Подписка принимается по адресу редакции: 61, rue Шардон-Лагаш, Париж 16 а также у всех представителей «ВОЕННОЙ БЫЛИ» и «ВЕСТНИКА».

Подписная цена с пересылкой на год: 7 нов. фр. в странах заокеанских — 2 дол. 40 ц.

Почтовый Счет «Le Passé Militaire» 3910 - 12 Париж

Журнал «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» можно получить:

Париж — в Конторе журнала — 61, rue Chardon - Lagache, Paris 16 и в русских книжных магазинах.

Брюссель — у И. Н. Звездиной — 1, Chemin Ducal, Tervuren.

Лондон — а) у В. В. Барачевского — 23, Alder Grove, London N. W. 2, б) у Д. К. Краснопольского — 19, Warwick Road, London S. W. 5.

Германия — у И. Н. Горайнова — Hamburg-Postamt 33, Deutschland. Postlagernd.

Копенгаген — у Г. П. Пономарева — Bredgade 53, Copenhagen.

Италия — у В. Н. Дюкина — Via Nemorense 86, Roma.

Ссс. Ам. С. Ш. — а) в Обще-Кадетском Объединении у — А. Куторга — 272, 2 Avenue San-Francisco 18, б) у С. А. Кашкина — P.O. Box 68, Bellerose 26, L. I., N. Y.

Канада — у Б. Л. Орешкевича, 167, Chisholm Ave Toronto 13, Ont.

Австралия — а) у В. Ю. Степанова, 57, rue Bruce, Stanmor (N.S.W.); б) у Н. А. Косач, 16, Valmai Ave. King's Park, Adelaide, South Australia.

Венецуэла — у К. А. Келльнера — 24, av. Sarria, Caracas.

Аргентина — у Г. Бордокова, Zapiola 4192 Buénos - Aires, Argentina.

Литературно-политические тетради

« ВОЗРОЖДЕНИЕ »

Независимый орган национальной мысли.

37-й год издания.

Адрес редакции:

73, Avenue des Champs Elysées, Paris 8°.

« МОРСКИЕ ЗАПИСКИ »

под ред. стар. лейт. барона Г. Н. ТАУБЕ.

Вышел и разослан подписчикам № 3/4(57) т. XX 1962 г.

Подписная цена — 3 дол. в год.

Представитель на Францию:
В. И. Яковлев, 5 bis, rue de Tourville,
St. Germain en Laye (S. et O.)

РУССКИЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИН

Г. А. ДЖУДЖИЕВА

« LE MAGASIN DU LIVRE »

10, rue des Carmes, Paris 5me

ПРОДАЕТ НАШИ ЖУРНАЛЫ И ПРИНИМАЕТ ПОДПИСКУ НА ВСЕ ИЗДАНИЯ «ВОЕННОЙ БЫЛИ»

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛ В ПРОДАЖУ

СБОРНИК ПАМЯТИ

ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА

ПОЭТА К. Р.

ИЗДАНИЕ СОВЕТА ОБЩЕ-КАДЕТСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ.

Продается в Конторе Издательства 61, рю Шардон-Лагаш, Париж 16.

Цена — 21 нов. фр., страны заокеанские — 5 амер. долл.

НА СКЛАДЕ ИМЕЮТСЯ СЛЕДУЮЩИЕ
КНИГИ, ДОХОД ОТ ПРОДАЖИ КОТОРЫХ
ИДЕТ В ПОЛЬЗУ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

История лейб-гвардии Конного полка —
300 нов. фр.

К. С. ПОПОВ — Лейб-Эриванцы в Великой
войне — 25 нов. фр.

А. Л. МАРКОВ — Кадеты и юнкера —
20 нов. фр.

М. КАРАТЕЕВ — Карач-Мурза —
15 нов. фр.

Генерал А. А. фон-ЛАМПЕ — Пути верных
16 нов. фр.

Контр-адмирал ТИМИРЕВ — Воспоминания
морского офицера — 15 нов. фр.

Генерал-майор А. И. СПИРИДОВИЧ — Ве-
ликая война и февральская революция,
в 3-х томах — 90 нов. фр.

ЕВГЕНИЙ МОЛЛО — Русское холодное
оружие XX века — 2 н. фр.

Г. И. ИШЕВСКИЙ — Честь — 8 нов. фр.

И. А. ПОЛЯКОВ — Донские казаки в борь-
бе с большевизмом — 22 н. фр. 50 с.

П. В. ПАШКОВ — Ордена и знаки отличия
гражданской войны — 6 нов. фр.

ЮРИЙ СЛЕЗКИН — Две семьи —
5 нов. фр.

БУЛГАКОВ — Русский и герм. воен. мир о
творчестве К. С. Попова — 4 нов. фр.

Б. М. КУЗНЕЦОВ — 1918 г. в Дагестане —
8 нов. фр. 50 сант.

Б. М. КУЗНЕЦОВ — В угоду Сталину, том
II — 11 нов. фр. 50 сант.

ПОСТУПИЛА В ПРОДАЖУ

В. В. Звегинцов

Хронология Русской армии
1700-1917 часть II

Хронологические указатели всех пехот-
ных, кавалерийских и казачьих частей, в
порядке основания их, с названиями ко-
торые часть, последовательно, носила и
ее судьбой.

Тетрадь 25 x 32 сантим. 174 стр. на ро-
таторе. Цена с пересылкой — 42 нов. фр.
или 8 ам. дол. 50 ц.

Имеется еще некоторое количество эк-
земпляров части I — формирование, пере-
именование и расформирование всех ча-
стей Русской Армии, расположенные по
царствованиям и родам оружия. Тетрадь
25 x 32 сантим. 240 стр. та-же цена.

Формы Русской армии 1914 г. тетрадь
— 132 стр. текста и 120 таблиц для рас-
крашивания. Цена тетради и таблиц —
110 нов. фр. или 23 америк. дол.